

ЛОСКУТНОЕ ОДЕЯЛО

Повесть

1. Морозная ночь

Зима 1886 года выдалась снежная и морозная. Небольшую деревеньку Проскудинку засыпало чуть ли не до самых крыш. Стоит она, утопая в снегу, лишь натоптаны от дома к дому узкие тропинки, да широкой полосой лежит наезженный санный путь. Иной вечер глянешь: кажется, вымерла деревня. Приглядишься, ан нет. Тянутся над избами высоко вверх тонкие струйки дыма, да мерцают за заиндевелыми окошками тусклые огоньки зажженных лучин. Месяц плывет по небу и с любопытством заглядывает в окна домов.

Первой в деревне стоит ладная изба, с фигурным коньком на крыше. В углу сидит сам хозяин, починяет лапти и напевает незамысловатую песенку. На полатах, высунув босые пятки из-под тулупа, лежат мальчишки-погодки.

— Видал! — достает младший Егорка из подклада одежды старую дедову блесну, обтянутую рыбьей кожей. — На нее по весне такая рыба клюнет, ты и во сне такой не видывал.

— Где взял? — завистливо тянет старший Витька, рассматривая находку брата.

— Где взял — там нет! — бережно прячет Егорка свое сокровище.

— А я вот завтра на ярмарку сбегу! — тычет его кулаком в бок Витька, пытаюсь отобрать блесенку. — А там Петрушка, кони с бубенцами, орехи и сбитень медовый, — говорит он, причмокивая губами от удовольствия.

— А я? — куксится младший, ловко уворачиваясь от брата и больно щипнув его.

— Мал еще! — шипит Витька, потирая руку, и отвечает Егорке хорошую затрещину.

— Я все тятке расскажу, — заливается тот слезами и лупит со всей мочи его ногами.

Они еще долго возятся, щедро раздавая друг другу тычки и затрещины, пока строгий отцовский окрик не останавливает их.

Ребята вмиг смиреют и, отвернувшись друг от дружки, обиженно сопят, пока не уснут.

В следующей избе усталая женщина качает деревянную люльку, поет колыбельную да прядет кудель. Рядом с ней, подогнув под себя босые ноги, сидит на лавке Маришка, девчушка лет восьми. Она водит по замерзшему окну пальцем. И когда на стекле появится небольшой оттаявший кругляш, девочка, прильнув к нему, долго глядит на заснеженный двор, залитый голубым лунным светом.

— Муки всего пуд остался, — вздыхает мать. — Того и гляди, по людям придется идти кусочки просить, — смотрит она на хозяина, вяжущего из лозы корзины.

— Не мели попусту, — обрывает тот ее. — На ярмарке корзины продам, глядишь, и перетопчемся.

Татьяна Петровна Березюк родилась в 1984 году. По профессии экономист. Автор трех книг прозы для детей. Живет в Мурманске.

Не пропустил месяц и дом с красивыми резными наличниками на окнах. Там за столом сидит пышная, дородная купчиха, в народе прозванная Пузаниха. На плечи ее накинут цветастый платок, на шее поблескивает тугая жемчужная нить. На столе стоит блестящий самовар с висящей на нем связкой баранок и тут же рядом изящная вазочка с вареньем. Купчиха аккуратно набирает варенье маленькой серебряной ложечкой и кладет в рот, щурясь от удовольствия. Наливает в блюдце чай, долго дует на него и лишь потом пьет.

Напротив нее сидит рыжий щекастый мальчишка, уплетающий большой кусок ситного пирога.

— Ты бы, Петенька, книжку какую почитал, — обращается к нему отец, сидящий тут же с ворохом бумаг и деревянными счетами.

— Неохота! — потягивается мальчик и засовывает розовые пальцы в сахарницу.

Так и плывет месяц по небу — заглядывая то в один дом, то в другой.

Заглянул он и в избу Афанасия Васильевича, где возле окна склонилась над прялкой древняя старуха Акулина. Лицо ее изрезано глубокими морщинами. Волосы белым облаком окаймляют маленькую головку с острым подбородком. А глаза — ничуть не выцветшие. Они ярко-голубые, словно чистое весеннее небо.

— Опять холодает, — бормочет она и, зябко кутаясь в телогрейку, прислушивается к завыванию ветра за окном. — Уж скоро зима на лето переломится, а холодам конца не видать, — ворчит она. — Дожить бы до тепла.

— Доживешь, бабушка! — вскакивает с лавки мальчишка лет десяти и крепко обнимает старуху.

— Даст бог, и поживу еще, — смеется та.

В избе все уже давно спят, лишь они одни полуночичают, но вскоре и они сдаются.

— Смотри деда не потревожь, — ворчит старуха, заползая вслед за внуком на печь.

Изба Афанасия Васильевича погружается в тишину, лишь едва слышно, как в углу тихонько скребется мышь да потрескивают стены от мороза.

Вдруг сквозь сон до мальчика донесся скрип шагов под окнами. Открыв глаза, он долго прислушивался к пугающим звукам.

— Бабушка! — наконец позвал он Акулину.

Та, повернувшись на другой бок, пробормотала:

— Спи ты, окаянный!

Иван перелез через нее и соскользнул на пол. Сунув ноги в дедовы валенки, схватил тяжелый ухват и выскочил во двор.

То ли от морозного воздуха, то ли от таинства ночи у него перехватило дыхание.

Звезды, рассыпавшиеся по небосклону, мерцали в ночной тишине. Снег серебрился в лунном свете, а заиндевелые деревья стояли словно хрустальные.

За баней мелькнула белая рубаха его матушки. Она накладывала снег в кадущку да приговаривала:

— Месяц ты, месяц, золотые твои рожки! Взгляни в окошко, подуи на опару.

Иван облегчено вздохнул и вернулся в избу. Он знал, что чуть позже мать поставит на снежной воде опару. Ведь завтра широкая Масленица! Издревле полагается встречать ее блинами.

2. Масленица

Иван проснулся рано. Вместе с сытным запахом блинов в воздухе витало ощущение праздника. Оно чувствовалось в вычищенных до блеска стенах, вымытых окнах, разноцветных половиках, устилающих пол, и особой суете, наполняющей дом. Акулина с матерью бегали из избы в сени то за сыром, то за сметаной, то за медом.

Громко хлопнув дверью, вошел с мороза румяный отец.

— Блинцы, блинчики, блины, — пробормотал он, с удовольствием разглядывая аппетитную горку, высыющуюся на столе.

Увидев сына, щелкнул его легонько по носу.

— Ныне, Ванюша, не поедем на ярмарку. Сани поломались.

Внутри мальчика все перевернулось. Ведь еще с прошлого года упрашивал он отца. Очень уж хотелось поглядеть на Петрушку да на ученого медведя. Скатиться с высокой ледяной горки, попробовать горячий сбитень, каленые орехи и медовые пряники...

— На всякое хотенье должно иметь терпенье, — сказал отец, усаживаясь за стол.

А Ивану страсть как хотелось поехать! Так сильно, что все вдруг перестало радовать его. И солнце потускнело вмиг, и снег перестал серебриться.

Съев блин, он вышел на улицу. Там их сосед Трифон сани ладил.

— Хочу своим подарков прикупить, — подмигнул он мальчику.

От этого настроение у него испортилось еще больше, зато прибавилось решимости любым способом попасть на ярмарку. Улучив момент, когда Трифон отошел, он лихо запрыгнул в розвальни и зарылся в душистое сено.

— Куда лезешь! — зашипел кто-то на него и больно лягнул ногой.

— Тише ты! — прошептал Иван, с досадой потирая ушибленную ногу. — Тебе ж тятка запретил на ярмарку ездить! — узнал он соседского Витьку.

— А мы сами с усами! — огрызнулся тот.

В школе Витька слыл первым хулиганом. Он очень гордился тем, что меж зубов у него была щель и в плевках ему не было равных. Частенько задирали Ваню, бывало, и дрались, но сейчас они вынуждены были лежать смиренхонько, чтоб не выдать себя.

Подошедший крестьянин не заметил их и ловко взнуздая лошадь.

— Но, хорошая!

Заскрипели полозья по снегу, зазвенели колокольчики на сбруе, запрыгали сани на ухабах. Чем быстрее мчалась лошадь, тем радостнее становилось на душе у Ивана. Все ближе медведи, пряники и крутые ледяные горки. Он крепко сжимал в кулаке блестящий пятак, который прошлой осенью нашел на дороге. Тятка разрешил себе оставить, и Ваня пуще прежнего берег его и не раз перепрятывал.

Наконец сани остановились. Ребята высунули из сена кудлатые головы. Атмосфера праздника тут же захватила их, и они, позабыв о прежних обидах, влились в пеструю, гудящую толпу.

Отовсюду раздавались оживленные разговоры и смех. Куда ни глянь, дымились блестящие самовары, стояли лотки, возле которых продавались горячий сбитень, сласти, орехи, пряники, а блины выпекали прямо на улице. То и дело проносились разукрашенные лентами сани, в которых сидели румяные бабы и веселые мужики. Невдалеке показывали настоящего медведя.

— Народ честной, подходи, на медведя ученого погляди, — кричал сергач, приглашая публику на представление. — Медведь наш непростой, с королевской отметиной, — усердствовал он.

Мальчишки подошли ближе. На груди у мохнатого зверя и вправду виднелось белое пятно, формой напоминающее корону.

— Ишь ты! — подивился Витька. — И правду царская метка.

— Ну что, Михайло Иваныч, родом знатный боярыч, потешим честную публику, — весело крикнул сергач косолапому. — А ну-ка покажи нам, как девица блины пекла да возле печки угорела и у нее головушка заболела.

Тот нехотя начал показывать, как он переворачивает блины с одной стороны на другую. А потом, схватившись за голову, заревел да на бок повалился.

— Ай да Михайло Иваныч! Ай да молодец! — хвалил его мужик. — А теперь покажи нам, как ребята репу воруют.

Косолапый валялся на снегу и не торопился вставать.

— Что ж ты, господин Топтыгин, меня перед публикой честной срамишь, — рассердился хозяин и с силой дернул за цепь, крепившуюся к железному кольцу, продетому в нос зверя.

Медведь взревел, ухватившись лапами за морду.

— То-то же! — довольно сказал он. — У меня не забалуешь!

Собравшиеся хохотали, держась за животы.

Один лишь Иван отчего-то хмурился.

— Пошли отсюда, — потянул он Витьку за рукав.

— Погодь ты, тут самое веселье началось, — отдернул тот руку.

Иван отошел в сторонку.

А медведь еще долго кривлялся. То показывал, как старухи на богомолье идут, то как девки молодые в зеркало смотрятся, то как бабы в бане парятся. И каждое новое действие вызывало бурный взрыв смеха.

После того как представление окончилось, Витька подошел к Ивану.

— Ты чего ушел-то? — спросил он его.

— Ничего! — буркнул мальчик, не желая признаваться в том, что он пожалел животное.

— Давай лучше по прянику, — предложил он, нащупывая в кармане заветный пяточок.

— У меня грошей нет, — мотнул головой Витька.

Иван вздохнул и купил у лоточника два медовых.

Теперь у него осталось две копейки — как раз, чтоб скатиться по разу с горки.

Возле крутого спуска уже вовсю шла потеха. Счастливицы неслись вниз под одобрительное улюлюканье собравшихся.

Когда подошла их очередь, Иван засунул руку в карман и, к ужасу своему, обнаружил всего одну монетку. Пока он искал вторую, их оттеснил стоявший за ними щекастый мальчишка.

— А ну посторонись! — оттолкнул он их и высыпал в ладонь собирающему деньги мужику целую горсть звонких монет.

— На все! — важно сказал он и, плюхнувшись на расписные санки, со свистом помчался вниз.

— Дяденька, а двоим за одну копейку можно скатиться? — жалобно спросил Витька.

— Иди отсюда, мальчик! — ответил ему тот, недобро посмотрев.

Они еще долго с тоской смотрели на других ребят.

Иван так и не смог решить, кто из них покатится с горы, и обрадовался, когда увидел в толпе знакомую девочку из деревни.

— Маришка! — помахал он ей.

Ребята пробрались к ней.

— Держи, — протянул ей Иван копейку.

Девочку не пришлось упрашивать. И вот она уже летит с громким визгом вниз.

— А вы с кем приехали? — спросила она, отдышавшись. Ванька неопределенно махнул куда-то в сторону и тут же с испугом посмотрел на Витьку.

Только сейчас он сообразил, что на улице начало смеркаться и Трофим, скорее всего, уже дома, на печи греется. Не попрощавшись с девочкой, они бросились туда, где стояли его сани. Там никого не было, только, усталые лоточники собирали товар и подсчитывали прибыль.

— А все равно хорошо! — неожиданно рассмеялся Витька.

Иван тоже захохотал.

Мимо проехала Маришка с отцом. Увидев ребят, она шепнула что-то отцу.

— Ну что, подвезти вас, хлопцы? — остановил он возле них лошадь.

Замерзшие мальчишки охотно залезли в сани. Пока они ехали, Маришка угощала их засахаренными орехами. На душе у Ивана было хорошо, лишь неизбежное объяснение с отцом омрачало радость.

В деревню они въехали, когда на небе зажглась первая звезда.

Иван с опаской вошел в избу. Тятка был в благодушном настроении и лишь отвесил ему легкую затрещину, за слушание. Ваня, довольный, что избежал более сурового наказания, попил теплого молока, поел блинов и залез греться на печь.

От тепла его быстро разморило, но он еще долго боролся со сном. Хотелось хоть ненадолго продлить ощущение праздника.

А уж на следующий день Иван с друзьями накатался с горки от души. И пусть она была не такая высокая, как на ярмарке, но радости, пожалуй, было не меньше.

После он с мальчишками по дворам собирал дрова для большого масленичного костра. Кто старый плетень даст, кто испорченный бочонок, кто колесо сломанное — глядишь, и насобирали. А как завечерело — запалили огромный костер да проводжали Масленицу, сжигая соломенное чучело. Просили друг у друга прощения и готовились к Великому посту.

3. Жаворонок

В начале марта ударили сильные морозы. Синицы, прилетевшие из леса, забились под стреху и носа оттуда не казали. Только и раздавалось их жалобное попискивание — мол, и здесь тепла нет.

После одной особенно морозной ночи обнаружил Иван во дворе жаворонка.

Тот сидел на земле и, даже когда мальчик подошел совсем близко, никуда не улетел.

Осторожно взяв птицу в ладони, он согрел ее своим дыханием. Та, негромко пискнув, приоткрыла черный глаз.

— Жива! — обрадовался Иван и помчался домой.

Дед, лежавший на печи, увидев птаху, заворчал:

— Чего удумал! Птицу в избу притащил. Да еще и не путнюю.

— Отчего же, деда, она не путняя? — удивился Ваня.

— Коли в холода, до Сорок, прилетела, значит, не путняя! — сердито сказал он.

— Все бы тебе, старый, ворчать, — взяла Акулина жаворонка в руки. — Следенел малый, — покачала она головой. — Но ничего! Бог даст — полетает еще!

— Он как запоет, как засвистит — сразу все холода разгонит, — воскликнул мальчишка.

— Так уж и разгонит? — улыбнулся дед. — Смотри вон, какая вьюга поднялась.

За окном, где только что светило солнце, теперь кружила белая поземка, и ветер завывал сердито в печной трубе.

А жаворонок вдруг неожиданно вывел длинную трель.

— Вот шельмец! — высунул голову с печи дед.

Иван рассмеялся, глянул в окно, а там опять голубое небо сквозь облака проглядывает.

— Деда, ведь он зиму-то прогоняет!

— Раз такое дело, пушай тогда живет до тепла! — разрешил старик.

Жаворонок в избе быстро освоился. Дразнил кота, гонялся за первыми мухами, выпрашивал хлебные крошки у Ивана. А к середине марта настолько окреп, что его

уже можно было выпустить на волю. Сделать это решили на Сороки. Акулина верила, что в этот день весна с зимой встречается и возвращаются домой все жаворонки.

С утра она напекла печений в виде птиц и, по старому поверью, в одно из них положила монетку. Кому она попадет — тот может загадывать желание, обязательно оно сбудется. Ивану очень хотелось, чтоб птичка с монеткой досталась именно ему.

— Да ты погоди, — легонько ударила она его по рукам, когда тот потянулся за печеньем.

— Дело у нас одно важное осталось, — сказала она и распахнула окно.

Жаворонок, почувствовав свежий воздух, слетел из-под матицы и сел на створку.

Пропел свою звонкую песню, поклонился, как будто на прощание, и взмыл ввысь.

— Ишь, как колокольчиком, звенит-заливается! — улыбнулся отец, щурясь на солнце.

День выдался по-настоящему весенний, и Акулина после обеда отправила Ваню в лес — за брусничным листом. В деревне она слыла травницей — любую хворь могла выгнать. И стар и млад к ней за советом шли.

В лесу было свежо и пахло настоящей весной. Иван пробирался сквозь деревья, прислушиваясь к весенним звукам. Среди веток ругались синицы, сновали по стволам любопытные белки, роняя шишки ему под ноги, где-то в глубине леса трещал глухарь.

Увидев нагретый солнцем сухой пригорок, мальчишка скинул тулуп. Закинув руки за голову, он лежал на нем, рассматривая, как белые барашки облаков медленно плывут в синеве неба. На душе было радостно. Он и сам не знал отчего. Может, оттого, что в воздухе ощущался тонкий весенний аромат, который ни с чем не спутаешь. А быть может, оттого, что именно ему сегодня досталось печенье с монеткой.

Позади него хрустнула ветка. Обернувшись, Иван увидел Маришку. Они не виделись с Масленицы. Иногда вспоминались ему ее смешливые глаза, но он тут же кривился:

— Да ну этих девчонок! Буду я еще думать о них!

— Тебе чего? — вместо приветствия буркнул он, рассматривая ее исподлобья.

Золотистые прядки волос выбились у нее из-под платка. А голубые глаза смотрели на него внимательно и немного насмешливо.

Вместо ответа девочка достала из кармана печенье в виде птички.

— В прошлом году сестрице моей досталась монетка, а в позапрошлом братцу. В этот раз точно мне попадет, — сказала она и, закрыв глаза, слегка надломила его. — Ну что, есть? — спросила Маришка с надеждой, не открывая глаз.

Птичка оказалась внутри пустой. Немного помедлив, Иван достал свою счастливую копейку и быстро положил ее в образовавшийся разлом.

— Есть! — сказал он.

— Неужто есть? — не веря, переспросила его девочка.

— Да, есть! Есть! — пробурчал он и, не попрощавшись, накинув тулуп, побрел домой. «И зачем я это сделал?» — ругал он себя по дороге.

Вдруг, как это обычно бывает ранней весной, налетел злой, колючий ветер. Разогнал белые барашки облаков и пригнал серую тяжелую тучу. Морозящий холодный дождик посыпал с неба, и Ваня скорее помчался домой, перепрыгивая с одной освобожденной от снега прогалины на другую.

А уже вечером, когда Иван задавал корм скотине, во двор вошла Маришка.

— Держи! — протянула она ему монетку.

— Зачем это? — удивился мальчик.

— Представляешь, — затараторила она. — Мне сегодня в печенье попало две копейки. А мамка сказала, что она две не клала. Не иначе, чудеса какие. Я решила одну тебе подарить. Бери, — положила она в его руку монетку.

Та лежала на ладони мальчика и как будто посмеивалась над ним, тускло поблескивая знакомой выщербинкой, которую он оставил на ней утром зубами.

4. Весенние заботы

В апреле все отчетливее ощущается весна. Ночью еще прихватывает морозец, но к утру начинается оттепель. Местами уже распушилась верба, а на полях зазеленела озимь.

Снега уже не осталось, и по земле, наполненной влагой, похаживают черные грачи, прилетевшие домой еще в марте. Рядом с ними, тоненько посвистывая, всегда вьются галки. С каждым днем все больше птиц возвращается в окрестные леса.

— Слышишь? — бывало, прислушается отец к громким трелям.

«Тивт-тивт, твирь-твирь».

— Зяблики прилетели! — узнает он их песню. — Громко поют. Знать, лето погожее будет.

А в другой день различит:

«Цири-цири, циль-циль», — признает он дрозда.

Через неделю лес станет еще оживленнее:

«Чертек-чертек-тек», — щелкает горихвостка.

«Варак-варак», — ворчит варакушка.

А как только услышит тоненькое «Цирли-цирли, цити-цити» — сразу определит песню трясогузки. Выйдет к реке, а она там по льду скачет, хвостиком трясет.

— Ишь, разбегалась! Знать, скоро ледоход жди, — улыбнется он.

И все подмечает отец крестьянским глазом, любую перемену в природе.

С приходом весны забот у него прибавилось — то оборвавшуюся конскую сбрую подшивает, то борону чинит, то соху ладит. Готовит хозяйство к посевной.

А бывает, в полдень, когда солнце греет почти по-летнему, сядет на крылечке, сорвет сухую былинку и долго ее жует, о чем-то задумавшись.

Крестьянские думы просты и безыскусны — взойдет ли озимое зерно, хватит ли хлеба до нового урожая, поднимется ли лен, не подтопит ли паводок...

Да и как тут не думать? Хозяйство у них большое, справное. Дом крепкий, изба просторная. В хлеву корова Машка стоит с телком, пять овец да десяток кур с горластым петухом во главе. В сарае кобыла Метелица.

В прошлом году отяжелела она и ныне одним погожим весенним утром разродилась жеребенком. Назвали его Прошкой.

Прошка быстро окреп и на второй день уже бегал возле мамки — длинноногий, любопытный и озорной. Нрава он был веселого и игривого.

— Ты погоду его гладить-то. Погодь, — учил отец Ивана, когда он пришел в первый раз глянуть на него. — Пусть пообвыкнется покамест.

Жеребенок настороженно посмотрел на мальчика и спрятался за мать.

Ваня протянул ей черствую корку. Та радостно мотнула головой и ткнулась губами в его руку. А Прошка, прильнув к вымени, долго сосал молоко, искоса поглядывая на незнакомца. Ваня наблюдал за ними, и что-то доброе рождалось у него в груди.

В следующий раз, когда он пришел подкинуть сена Метелице, жеребенок смотрел уже не так настороженно, только прядал ушами и ближе жался к матери. В этот раз мальчику удалось незаметно провести рукой по его теплому боку. Жеребенок вздрогнул и тихонько заржал.

— Бери, — протянул он Метелице сухую корку черного хлеба.

В третий раз, когда он угостил ее кусочком сахара, Прошка, подражая матери, тоже ткнулся губами в его ладонь. Улыбнувшись, Иван потрепал его по загривку. С тех пор и началась их крепкая дружба.

Как завидит он мальчишку, так и прыгает радостно вокруг него, смешно выкидывая в сторону тонкие коленца.

5. Чем человек не птица

Однажды забрел к ним в избу коробейник — странствующий торговец.

— Ленты, платки, лубки, игрушки, сласти, — нараспев предлагал он товар, выкладывая его на лавку.

Акулина выменяла на лукошко яиц книгу — жития святых.

А Ивашка, среди прочего добра, заметил лубочную картинку, на которой мужик с привязанными к нему деревянными крыльями прыгал с колокольни.

— Это Никитка, боярский холоп, — пояснил торговец, заметив интерес мальчика. — Хотел, как птица, в небе летать, — рассмеялся он.

— И получилось? — спросил Иван.

— А пес его знает! — ответил он. — Если брать будешь — за три копейки отдам.

Мальчишка покачал головой — у него не было таких денег.

— Ну, на нет и суда нет, — пожал тот плечами, убирая картинку в короб.

— Неужто полетел этот Никитка? — все допытывался он у Акулины, когда коробейник ушел.

— С чего бы это человеку, как птице, летать? — подивилась та. — С высоты такой сверзишься — косточки потом не соберешь. Лучше почитай мне, Ванюша, — придвинула она к нему книжку.

Сама она не умела, но очень любила, когда Иван читал ей вслух.

Мальчик послушно открыл книгу, но мыслями он был далеко.

«А может, и мне крылья смастерить?» — мелькнула у него мысль.

И так она его захватила, что не мог он уже ни о чем другом думать.

На следующий день, наскоро управившись с делами, задумался он, из чего же ему крылья изготовить.

— Деревянные тяжелые будут, перьев не напасешься, холста матушка не даст. Может, из старых мешков попробовать? — рассуждал он, рисуя веточкой на подсохшей земле.

— Верно! — обрадовался он этой идее и поскакал в глубь двора, распугивая бродивших кур.

Возле сарая нос к носу столкнулся с отцом. Тот ладил телегу к лету.

— Чего курей пугаешь? — нахмурился он. — Сходи-ка лучше лыка надери для лаптей. А то смотрю, без дела маешься.

Вздыхнув, Иван побрел в сарай за корзиной.

По дороге в лес повстречался ему Витька.

— Айда на реку, — предложил он. — Тятка сказывал, что скоро уж лед тронется.

— А у тебя мешки найдутся? — задумчиво спросил его Иван, разглядывая летящего в небе жаворонка.

— Нет. А зачем?

— Крылья хочу смастерить. Чтоб летать.

— Прямо в небо? — недоверчиво посмотрел на него Витя.

— Ага! Вчерась коробейник заходил, так я у него картинку высмотрел, на которой холоп Никитка смастерил крылья, к себе привязал их и с колокольни прыгнул, — выдохнул он.

— И полетел?

— Не знаю, — пожал плечами Иван. — Может, и полетел.

— А давай у Петьки спросим, — кивнул Витька в сторону толстого рыжего мальчика, идущего к ним. — У его папеньки точно есть.

Петя — единственный сын купца Ермолая и купчихи Пузанихи. В деревне была у них лавка, в которой торговали они добром разным и слыли людьми зажиточными: чай пили из самовара, спали на перинах и в доме имели настоящую керосинку.

Ребята не особо жаловали мальчика за то, что был он малость скуповат да ябедничать любил. Бывало, попросишь его: «Петенька, поделись куском пирога», а Петенька лишь нос сморщит.

— А ты мне что? — только и услышишь от него в ответ.

Славился он еще и тем, что любил вкусно поесть. Особенно уважал расстегаи — пирожки печеные, с отверстием сверху, и всегда в кармане у него один да лежал.

За любовь его к этим пирогам и прозвали его Расстегаем.

— На ледоход идете глядеть? — поравнялся он с ними. — А я с вами пойду! — тут же добавил он. — Одному боязно! Да и тятка не велел. Сказывал, в том году одного бедолагу на льдине утащило. Нашли в пятидесяти верстах от дома озябшего да испуганного.

— Вот если достанешь пару мешков, мы и тебя с собой возьмем, — переглянулись мальчишки.

— Зачем это? — удивился Расстегай.

— Для дела важного! — подыграл Витя. — И кусок пирога с собой прихвати, — добавил он. — А то дело уж больно важное, перекусить не помешает.

Петенька недоверчиво смотрел на ребят, но любопытство все же взяло верх.

— Ждите здесь, — буркнул он и, неуклюже переваливаясь с боку на бок, побежал домой.

— И пеньку не забудь, — крикнул ему вдогонку Ваня.

Мысль о крыльях захватила его полностью, заставив позабыть про указ отца.

Вскоре появился Петенька с парой крепких холщовых мешков, мотком веревки и большим куском пирога.

— Держите, — отдал он им все, кроме пирога.

— Его сам делить буду! А то знаю я вас!

Ребята взобрались на высокий берег реки, уже оттаявший от снега.

Иван в задумчивости разглядывал песчаный склон, усыпанный сухими ветками.

Еще утром у него все так хорошо складывалось в голове, а сейчас он никак не мог сообразить, с чего же начать.

Витя с Петей шутливо толкались и кидали вниз камешки — кто дальше докинёт.

— Ну, где там твое дело? — нетерпеливо спрашивал его Расстегай.

— Сейчас будет! — воскликнул мальчик и, спрыгнув с угора, помчался вниз.

Наломав тонких ивовых прутков, он вернулся к ребятам.

— И что это будет? — спросил Петя, разглядывая гибкие ветки.

— Да ты погоду любопытничать — скоро все сам увидишь, — ответил Иван.

Этими прутками мальчишки сначала укрепили боковины мешков. Потом прикрепили их к самому полотну, расположив по диагонали, придав конструкции жесткость. Из веревок скрутили крепления для рук.

Когда работа была закончена, Расстегай задумчиво почесал голову

— На крылья, что ли, похоже? Так ты что, как птица, летать надумал? — наконец сообразил он. — Ну, насмешил! Ой, не могу! — хохотал он.

— Живот не надорви, — буркнул Иван. — Помоги лучше надеть.

— А ну-ка помаша, Ванюша, крыльями, — уже вдвоем смеялись над ним ребята, когда он стоял, на краю склона, расставив руки в стороны, весь обвязанный веревками, перепачканный глиной, со всклокоченными волосами.

— Неужто получится? — думал он, не обращая на них внимания.

Улучив момент, когда подул ветер, Иван отошел от края и, разбежавшись, прыгнул вниз, крепко зажмурил глаза.

На мгновение ему показалась, что он взлетает, но сильный порыв ветра тут же закрутил его в воздухе, и, упав, мальчишка покатился прямо в оттаявшую полянку.

Подоспевшие ребята помогли выбраться ему из реки.

— Все-то ты, Ивашка, выдумашь! — сказал Петька, поддев ногой поломанные крылья, валявшиеся на берегу. — Я думал, дело стоящее, а тут... — разочарованно протянул он.

— А ты небось пирог пожалел, — встал на сторону Ивана Витька.

— И пожалел! — заголосил тот. — Если бы на дело, то не жалко было бы, а тут... — сплюнул он на землю и побрел в сторону деревни.

Мальчишки тоже разошлись по домам.

В избе Ваню уже поджидал рассерженный отец.

— Что ты опять учудил? — схватил он его за ухо. — Уж вся деревня знает, как ты летать удумал.

— Да ты погодь! — убрала его руку Акулина. — Повинить всегда успеешь, а мальцу обсушиться надо, а то лихоманку подхватит, возись потом с ним, — ласково говорила она, стягивая с внука сырую рубаху и портки. — И как не убился-то? — качала она головой.

— Зачем крылья-то нацепил? — спросил его дед, когда он хлебал густые щи.

Иван пожал плечами. Что он мог ответить ему? Вот кабы получилось взлететь выше облаков, он бы им рассказал, а коли не вышло, о чем уж тут говорить, вздохнул он.

— Знамо, человек не птица! Где уж ему в воздух подняться. Теперича вся деревня над тобой потешаться будет, — продолжил дед.

— А ты, Ванюша, ни на кого внимания не обращай, — влезла Акулина в разговор. — Если бы не попробовал, то и не узнал бы, каково это, — сказала она ему.

— Ты, старая, воду-то не мути своими сказками-присказками, — заворчал дед.

— Оплошал наш Иван ныне. Пусть теперь в полной мере за все и отвечает.

Мальчик залез на печь и долго еще слушал, как перебранивается Акулина с дедом, и вспоминал тот самый первый миг, когда показалось ему, что он летит.

— А ведь почти получилось, — вздохнул он.

— Ну и чего вздыхаешь, — забралась на печь старуха. — Не спится, поди? Давай я лучше тебе сказку расскажу, мигом и уснешь. Раньше, помню, и до середины не дослушаешь — уже сопишь.

— Расскажи, — согласился Иван, глубже зарываясь в отцовский тулуп.

— А что ж тебе рассказать? — задумалась старуха. — Ты уж все сказки мои давно переслушал. Постой-ка, одну-то я тебе еще не сказывала.

Под размеренное ее бормотание Иван задремал.

— Да ты уж спишь! — рассмеялась она.

— Не сплю, бабушка, — зевая, ответил мальчишка.

— Ну, слухай тогда. Высоко-высоко, куда птице не долететь, далеко-далеко, куда буланому коню не доскакать, там, где золотой рассвет встречается с закатом, стоит изба, — донесся до него сквозь пелену сна монотонный говор старухи.

Веки его отяжелели, и он почувствовал, как медленно уплывает сознание. Но сказка уж больно интересна — мотнул он головой, пытаясь стряхнуть навалившуюся дремоту. Открыв глаза, увидел Акулину, уронившую голову на грудь и тихо посапывающую.

А в углу избы мерцает огонек зажженной лучины, и по стенам от нее прыгают горбатые тени.

— Что это такое? — удивился мальчик, перелезая через спящую Акулину.

В углу, склонившись над рукоделием, сидела матушка.

— Чего это она за прялку взялась? — пробормотал он, вспоминая, что еще после Масленицы перенесли они из сарая ткацкий станок.

— Да и сарафан совсем не мамкин, и фигура не ее, — пригляделся он. — И изба на нашу не похожа. Да и не изба это вовсе, а высокий расписной терем с большим полукруглым окном, из которого льется мягкий свет. Возле него сидит женщина, тонкий стан которой обвивает платье, усыпанное жемчугами да яхонтами, а на голове кичка, расшитая золотыми и серебряными нитями.

На прялку вместо кудели намотан пучок солнечного света, падающий узкой полосой в окно. Тянет она из него светлую нить и наматывает на веретенце. Смотав клубок, она сняла его с веретена и кинула мальчику. Иван едва успел поймать его. Моток был совсем невесомым, и от него исходило едва заметное золотое сияние.

Женщина тряхнула широкими рукавами, и из них выкатились еще два клубка — голубого и серебряного цветов. Пересев за ткацкий станок и все так же ни слова не говоря, она принялась ткать из этих нитей полотно, искусно вплетая в него причудливые узоры. Вскоре в ее умелых руках полотно превратилось в два легких крыла.

— Держи, — протянула она их Ивану. — Но помни, не каждый может накинуть их себе на плечи.

Иван приладил крылья, и точно в пору они пришлись ему. Взмахнув ими, он поднялся высоко в небо. Что-то торжественное наполнило его душу, сделало легким и невесомым. Долго летал он над полями и лугами, пока не услышал тихий голос Акулины:

— Ивашка.

Руки-крылья его вмиг налились тяжестью, и он камнем упал вниз.

Открыв глаза, увидел склонившуюся над ним бабушку.

— Ты чего это руками размахался? — улыбнулась она.

— Я летал, — прошептал он, все еще находясь под впечатлением от чудесного сна. — А наша земля сверху словно полотно узорчатое среди зеленых островков леса, темнеют синие пятна озер. А за ними ровными полосами желтеет поспевающая рожь, краснеет гречиха и голубой каемкой лежат поля, засеянные льном. То тут, то там виднеются серые крыши деревенских домов. Тонкими ниточками среди них вьются дороги, и петляет змейкой голубая река. А над всем этим широким косяком летят белые гуси. И чем выше я поднимался, тем интереснее становился этот узор. Вот бы увидеть его весь целиком, — подумал я и замахал что есть сил. Но упал. Так и не смог целиком разглядеть, — с сожалением пробормотал Иван.

— Все еще будет, ягодка моя, — погладила его по голове Акулина.

6. Ледоход

Как-то утром Иван проснулся раньше обычного.

— Мне давеча всю ночь чудилось, что лед на реке трещит, так тонехонько-тонехонько! — услышал он разговор деда с отцом. — День-два, и уж тронется милый! Ох как тронется! — и, помолчав, добавил: — Помнится, по молодости я вот такого леща поймал в это время, — сказал дед и широко развел руки.

— Ну, ты мастер привирать, — усмехнулся отец в усы.

— Ей-богу, так и было! Я еще маленько и приуменьшил, — усмехнулся дед. — В другое время такую рыбу захочешь — а не поймает! Ох и билась она, ох и сопротивлялась. А как вытащил ее — так лед и пошел. Как на берегу оказался — не помню, видать, Бог миловал, — вздохнул дед.

Иван опять задремал, а когда вновь проснулся, услышал негромкое ворчанье деда.

— Я вам покажу, как деду не верить, — пробормотал он и, сердито нахлобучив шапку, вышел из избы.

Мальчишка соскочил с печи и, быстро натянув одежду, бросился за дедом. Очень уж ему хотелось посмотреть, как тот будет вытягивать огромную рыбину.

Старик сидел возле лунки и сосредоточенно смотрел на удочку.

— А тебя, окаянный, какие черти принесли? — заворчал он, увидев внука. — Вишь, как трещит! Ух, как трещит! — забеспокоился он.

Вдруг кончик удочки стремительно изогнулся. Дед мгновенно переменялся в лице. Глаза его загорелись азартным блеском.

— Не уйдешь! — задорно выкрикнул он, с усилием вытягивая тонкую лесу.

Рыба долго не хотела сдаваться, и старику пришлось изрядно с ней повозиться.

— Только не упusti! — ходил вокруг него Иван.

Наконец в лунке появилась большая голова леща с выпученными глазами, а еще через мгновение показался его серебристый бок, покрытой крупной чешуей.

— Вот так лапоть! — радовался старик. — Вот так удача!

Крупное тело леща извивалось на рыхлом льду. Размером он был с руку мальчика, а по весу тянул так на полпуда точно.

— Ну, пошли тятюку твоего удивлять, — сказал довольный дед и ловко закинул рыбу за спину.

Не успели они сделать и шага, как внизу что-то ухнуло, и лед под ними с протяжным гулом просел.

— Надо поторапливаться! Ох как надо! — закричал старик. — Сейчас уж тронется, — испуганно пробормотал он, ускорив шаг. — Поспевай! — кричал он Ивану. — Поспевай!

Тот еле шел, постоянно проваливаясь по щиколотку в выступившую воду. Вдруг раздался грохот, как будто рядом кто-то пальнул из пушки. Дед от неожиданности присел. А там, где они только что ловили, потянулась огромная трещина. По льду побежала вода. Сначала небольшими струйками, а потом и целыми ручьями.

— Тронулся, родимый! Тронулся! — радостно закричал дед. — Эх, чутка рано, чуть позже бы! — испуганно добавил он, осматриваясь вокруг.

Берег медленно проплывал мимо них. А далеко впереди с оглушительным треском начал ломаться лед. Оцепенев, Иван смотрел, как дыбятся впереди сизые льдины, всем своим существом ощущая мощь реки, несущейся сейчас под его ногами.

— Беги, Ваня! Беги! — донесся до него голос.

Одному Богу известно, как удалось им невредимыми добраться до берега.

Уже стоя на берегу, они смотрели, как насакивают льдины друг на друга, с гулом уходят под воду, а через мгновение выныривают с громким протяжным звуком, словно огромные животные.

— Испугался, поди? — спросил дед внука.

Иван кивнул.

— Река — дело такое, — промолвил старик. — Ты смотри, матери не проговорись, — строго наказал он Ивану. — Скажем, что леща в полынье поймали.

Ледоход шел еще пять дней. После река очистилась, оставив на берегу поломанные деревья и мусор, оставшийся с зимы. Засновали по руслу баржи и пароходы. Еще ответственнее повеяло в воздухе весной.

7. Как Ваня помогал хлеб сажать

Май пришел теплым, легким ветерком, ароматом цветущих яблонь и черемухи. Ночи стали короче, дни длиннее. Земля на полях уже давно освободилась от снега, и под теплыми лучами весеннего солнца совсем просохла.

Отец с Иваном каждый день выходили в поле.

— Видишь, земля в горсти рассыпается, знать, поспела уже. А если комком падет — знать, не время еще, — учил он его. — Нежели поторопишься, бросишь зерно в сырую землю — зародится в хлебе сорная трава. А это, считай, пойдешь по осени в люди — кусочки просить. Нынче все в меру, завтра и начнем!

Следующим утром Иван встал затемно. Еще не рассеялись ночные сумерки, и последняя звезда не ушла с небосклона. Усевшись на лавку, напротив печи, он долго смотрел, как языки пламени лижут сухие дрова.

Мать уже давно хлопотала по хозяйству. Замесив тесто, она слепила округлые хлеба и заложила их в устье печи. И вскоре по избе поплыл запах свежего хлеба.

Вышел отец, умылся студеной водой из колодца. Настал новый день, полный забот и открытий.

— Все в жизни зависит от труда. Что посеешь, то и пожнешь. Что пожнешь, то и смолотишь. Что смолотишь, то и смелешь. Что смелешь, то и съешь, — учил отец Ивана простой крестьянской мудрости.

Позавтракав, они отправились в поле.

Сначала вспахали землю тяжелой сохой. Потом землицу навозом удобрили. Еще раз вспахали. И только тогда за дело взялся Иван.

Ездит он по полю на лошади с легкой бороной — разбивает она комья в мягкий пух, чтоб вызрело зерно на славу. В радость ему такая работа. Чувствует он себя совсем взрослым.

— Вот увидишь, тятка, придет такое время, когда будет по полю железный конь ездить. Сам сеять будет, сам пахать и боронить. А человеку и заботы не будет. Знай только управляй им.

— Ну, что удумал, — засмеялся отец. — Никому лошадку не заменить. Она и друг крестьянина, и первый помощник. Нет, братец, это ты погорячился, — не согласился он с ним.

— А вот Петька сказывал, что в городе видал железную машину. Гудит, дымит, что твоя печка, когда ты заслонку забудешь убрать. А за ней коробка с окнами, в ряд тянутся. А в них народу — и не сосчитать, сколько будет.

— Ты это, братец, борони давай, — покачал головой отец. — Русского мужика из века в век кормили руки сильные, лошадь верная да смекалка, — постучал он по голове мальчишки. — Без смекалки и конь твой железный — пустое будет! А от мечтаний в брюхе пусто да звонко. Каравай-то из печи горячий есть просто, а хлеб растить — тут сноровка нужна да божья благодать.

8. Ночное

Иван с друзьями сидел на обрывистом берегу возле костра.

Солнце садилось в тучу, окрашивая горизонт розовым. Луговые травы, примятые дневной жарой, распрямлялись. В воздухе пахло свежестью, полынью и мятой.

Кони, которых мальчишки привели на ночной выпас, разбрелись по полю. Низко опустив головы, щипали они сочную траву, наслаждаясь прохладой.

Мальчишки подбросили в костер сухих веток, и тот вспыхнул, весело затрещав.

Вдалеке раздался тихий звон бубенцов.

— Слыхали? — насторожился Егорка.

— Это старый атаман на своем коне по дорогам рыщет, — припугнул его Витька. — Пастухи часто этот звук здесь слышат, — зловеще продолжил он.

— Врешь ты все! — рассмеялся мальчик, но на всякий случай придвинулся ближе к брату.

— Нет, правду он говорит, — поворошил Иван палкой угли.

Костер разгорелся с неистовой силой, брызнув яркими искрами в ночное небо.

— Акулина сказывала, что лет сто назад в здешних местах промышляли разбойники. Атаманом у них был Гришка Одноглазый. И будто бы дружбу он водил с черным вороном. Кликал его Яшкой. Ворон этот был обучен словам некоторым и помогал Гришке в его разбойном промысле — предупреждал об опасности. Долго они разбойничали, много добра нажили, и никак их изловить не могли, — сказал он, прислушиваясь к звону, доносившемуся до них все отчетливее.

И как-то вмиг ребятам стало неуютно. Скучившись вместе, они напряженно вглядывались в заросли шиповника.

— А если и правда сам атаман к нам скачет? — прошептал Егорка.

— А мы его прогоним! — схватил Иван толстую палку и побил невидимого врага.

— Ты и пискнуть не успеешь, он тебя в два счета со света белого сживет, — возразил ему Витька.

И вот когда они уже готовы были броситься врассыпную, из-за кустов показалась кибитка, которой управлял цыган в красной рубахе и разноцветных шароварах.

— Тпррру, — остановился он возле них.

— Далеко ли до города будет? — спросил он, потягиваясь.

— Верст девяносто, — пожал плечами Витька.

Цыган зевнул и легонько подстегнул лошадь.

— Но! — крикнул он, подгоняя ее.

Ребята, обрадованные тем, что их минула страшная встреча, опять уселись подле костра. Иван достал пяток картох и, веткой подтолкнув их в костер, засыпал углями.

— А что там дальше с разбойниками случилось? — нетерпеливо спросил Егорка.

— Поймали их царские солдаты да повесили в назидание другим. А богатство, схищенное Гришкой, так никто по сей день и не нашел! Говорят, на старой мельнице те сокровища зарыты.

— На старой мельнице, говоришь? — почесал Витька голову.

— Айда завтра вечером туда? — предложил он.

— Боязно как-то, — протянул Егорка. — Старуха Анисья сказывала, что слыхала, ночью выл там кто-то.

Иван молчал, не то чтоб он боялся, скорее, опасался немножко.

— Эх вы, курицы! Вам бы только на насестах сидеть, — воскликнул Витька и сплюнул сквозь щель в зубах.

— Можно и сходить, — неуверенно протянул Иван, доставая из углей картоху.

Обжигая пальцы, он принялся снимать с нее кожуру.

— То-то же, — хлопнул Витька его по плечу и тоже взял картоху. Разломил ее пополам, посыпал солью и, усердно дуя на нее, принялся есть прямо с обгоревшей кожицей.

— И я тогда с вами, — сказал Егорка.

Темнота стала уже совсем непроглядной. Лошади разбрелись по лугу, и о том, что они здесь, напоминало лишь редкое их всхрапывание.

Мальчишки, поев, улеглись возле костра.

Вдруг где-то неподалеку хрустнула сухая ветка.

— Легок на помине! — зевнул Витька и перекрестился.

— Кто легок? — испугался Егорка.

— Знамо кто. Сам лешак к нам пожаловал.

— Лл-л-лешак? — прошептал мальчик.

— Он самый! — с видом знатока ответил Витька. — Вот в прошлом году ходил я с пастухами на дальние поля, — продолжил он. — Стоял июль, и туман разлился такой, что

вытянутой руки не видать. Сидим мы так же возле костра, я смотрю — заячьи уши торчат из-за спины Ваньки Косоого. Подумал, шуткует кто. Глянул еще раз, а заяц сидит и так сердито поглядывает на меня. Протер я глаза, смотрю, а в тумане только хвост его мелькает. Не иначе, тогда лешак к нашему костру приходил греться. Вот и опять заглянул на огонек, — зевнул Витька, кутаясь в старый зипун.

Через мгновение было уже слышно его тревожное посапывание. Вскоре уснул и Егорка. Лишь Ваня еще долго лежал в тишине, слушая спокойное дыхание ребят.

Лишь когда на небе заалел рассвет, провалился он в сон.

Снились ему и заячий хвост, мелькающий среди травы, и лешак, выглядывающий из-за деревьев, и Прошка, задумчиво смотрящий в небо.

— Отчего, маменька, звезды так ярко светят? — спрашивал он у Метелицы, тихо перебирая губами.

— Оттого, что ночи темные, сынок, — отвечала она ему.

9. Клад

Следующим вечером, как и уговаривались, собрались мальчишки за деревней. Каждый был вооружен — кто палкой, кто вилами, кто рогатиной.

— До темноты управиться бы, — почесал голову Витька, поглядывая в сторону мельницы.

Она стояла в отдалении от деревни, на небольшой возвышенности. В дни, когда дули особенно сильные ветра, можно было слышать жалобное поскрипывание ее обветшалых крыльев.

Когда-то давно пользовалась спросом она у крестьян, а как построили мельницу побольше да поближе, так и заросла к ней тропинка. Со временем часть крыши обвалилась, трещины в стенах заросли чертополохом, а большие каменные жернова валялись за ненадобностью в высокой траве.

— Если клад найдем — я себе ружье настоящее выправлю, — важно сказал Витька.

— А я бы от сапог новых не отказался, — протянул Егорка, поглядывая на свои босые ноги.

— Мал ты еще для сапог! — возразил ему брат. — Тебе и в лаптях неплохо. А вот мне бы сапоги не помешали.

Егорка надулся, но спорить с Витькой не стал. Тот был старше, и если что, мог дать хорошую затрещину.

— Ладно! Валенки тебе купим, — смилостивился он.

Вдруг сзади них послышались чьи-то тяжелые шаги.

— Куда это вы собрались? — запыхавшись, прокричал им Петька, нагоняя их.

Он был одет в красную косоворотку, а на ногах у него поскрипывали новенькие сапоги.

— Да еще и с рогатинами! — воскликнул он, разглядывая их. — Небось дело какое худое задумали? Я вот тятке все расскажу!

— А мы клад пошли искать! Самого атамана Гришки! — гордо сказал Егорка.

Витька больно ткнул брата в бок, но было уже поздно

— Клад? И без меня? — заголосил Расстегай, выпучив глаза.

— Так тебе, Петенька, клад-то зачем, — усмехнулся Витька. — Вон у тебя рожка от пирогов и так лоснится.

— И сапоги новые у тебя, со скрипом, — завистливо протянул Егорка.

— Я все равно с вами пойду! — бесцеремонно заявил мальчик. — А коли не возьмете — хуже будет! — скрестил он руки на груди.

Зная прескверный характер Расстегая, ребята решили взять его с собой, а то и впрямь разболтает.

— Если клад найдем — делить будем поровну, — пропыхтел довольный мальчик.

— Ага, — буркнул Иван, — всем по пуду, а тебе шиш.

Ребята захохотали и пошли дальше. Петя обиженно сопел, но от ребят не отставал. Вскоре из-за угора показались лопасти старой мельницы.

Крадучись, мальчишки подошли ближе. С трудом открыли покосившуюся дверь и пробрались внутрь. В нос ударил застарелый запах дегтя, перемешанный с едва уловимым хлебным духом, навсегда въевшимся в деревянные стены.

Поднявшись по лестнице, ребята забрались наверх. Было тихо, лишь под крышей свистел ветер да жалобно поскрипывали гнилые половицы.

Мальчишки жались ближе друг к другу и настороженно оглядывались. В лучах заходящего солнца все казалось им недобрым.

Вдруг откуда-то сверху раздался скрипучий голос:

— Поди сюда, Петруша.

Ребята замерли.

— Это тебе, что ли? — посмотрели на Петю ребята.

— Это не мне! — заикаясь, пробормотал мальчик и попятился назад.

— Стой, холоп! — опять послышался тот же голос, и раздался громкий, надрывистый хохот.

Мальчишки, толкая друг друга, скатывались с лестницы, убегая прочь от неведанного. Иван же, споткнувшись о старую бочку, упал на дощатый пол. Над его головой промелькнула тень. Он принялся неистово креститься, вспоминая всех святых, которыми Акулина молилась в красном углу. Но тут из-за тучи выглянула луна и, заглянув в окно старой мельницы, осветила огромного черного ворона, сидевшего на упавшей жердине.

Ваня неистово засмеялся.

— Ка-а-ар, — крикнул ворон в ответ.

— Знакомые все лица!

Нашупав в кармане завалившиеся хлебные крошки, Ваня протянул их птице.

— Бери, Яшка, — тихонько сказал он, вспомнив про ворона атамана.

Тот не отказался и, склевав все до одной, громко хлопнув крыльями, вылетел в окно.

Иван, облокотившись о стену, выдохнул. Внутри него еще ворочался страх.

Перебирая в памяти недавние события, он взглянул туда, где только что сидела птица. Там, среди пыли и редких соломинок, поблескивала монетка. Подняв ее, он понял, что это старинный золотой рубль.

— Ваня! Иван! — раздался крики друзей. Выглянув в окно, он увидел мальчишек, вооружившихся дубьем и осторожно пробирающихся к мельнице.

Когда он вышел, они обступили его со всех сторон — обнимали, хлопали по спине и с завистью рассматривали золотую монету.

— Настоящий! — с видом знатока сказал Петька, пробуя его на зуб.

Иван бережно запрятал его в потайной карман рубахи.

А Витька задумчиво сказал:

— Получается, есть клад-то! Вот бы его отыскать.

Домой Иван вернулся уже затемно. Все уже давно спали, лишь Акулина ждала его, дремав возле окна.

— Куда ж ты, милый, запропастился, — охала она. — Ей! Промок весь до нитки, — ворчала она, протягивая ему горячее питье, пахнувшее медовыми травами. Сунула краюху хлеба и отправила на печь отогреваться.

10. Волшебная сила земли

Однажды Акулина разбудила Ивана, когда первые лучи солнца едва позолотили коньки соседних крыш.

— Надобно, Ванюша, тебе мне пособить, — сказала она. — Самая маковка лета сегодня. Травы в этот день набирают силу особую. Я уж тебе вон бехтерь приготовила, а себе корзинку.

Пошли они по лугам да по полям. Пробирались нехоженными тропами, бродили по заросшим речным берегам, спускались в темные овраги и выходили на светлые полянки с высокой травой, среди которой выискивала Акулина нужные ей растения.

— Трава травой, — ворчал уставший и вспотевший Иван, наблюдая, как Акулина складывает в корзинку то один корешок, то другой.

— Эгей, внучек, — покачала она головой. — Каждая травинка особенная. Вот смотри, — опустила она на колени. — Это травка снытью зовется. Для батюшки твоего, от ревматизма. А чуть поодаль душица — ей буду тебя зимой поить, — улыбнулась она.

Неброские цветки бессмертника бережно положила Акулина в отдельный мешочек.

— От многих болезней помогает, — поведала она Ивану.

Не обошла стороной и ромашку полевую. Растерла золотую серединку между пальцами, понюхала и положила охапку в бехтерь.

— Растения, ягодка моя, любую хворобу победить могут.

К обеду вышли они к глубокому лесному озеру, заросшему по краям осокой и какими-то чудными цветами. Было тихо, лишь стрекозы шуршали крыльями, перелетая с одной травинки на другую. Уставшие путники расположились в тени раскидистой сосны. Акулина достала краюху хлеба, разломала пополам и дала Ивану. Молча съели они свой нехитрый обед и запили студеной водой.

— А что это у тебя, ягодка моя? — вдруг всплеснула она руками, рассматривая глубокую царапину на руке мальчика.

Видно, когда пробирались они сквозь бурелом, поцарапался Иван сухой веткой. От усталости он сразу и не заметил, а сейчас рана стала саднить. Акулина покачала головой и, увидев на стволе дерева янтарную капельку смолы, обрадовалась.

Взяла ее на палец и ловким движением замазала ранку.

— Теперь все хорошо будет, — улыбнулась она. — В этой капельке ведь все! И солнце ясное, и дожди проливные, а сила земли в ней знаешь какая!

Рана еще немного пощипала и вскоре успокоилась.

— Бабушка, а как огненный цветок сыскать? — спросил Иван, рассматривая большого ворона, сидевшего на березе и надрывно каркающего.

— Так разве его отыщешь, — удивилась она. — Говорят, если посчастливится его найти, то все клады в округе твои будут. Да вот тока никому еще не удалось этого. Ведь цветок этот нечисть лесная охраняет. А ты что это — клад удумал искать?

Иван в задумчивости пожал плечами.

— Так не в богатстве же счастье, ягодка моя, — тихо сказала Акулина.

— А в чем же? — спросил Иван

— Так кто же его знает, — вытерла она платком вспотевший лоб. Солнце висело высоко и палило нещадно. — У каждого оно, видать, свое. Я, бывало, встану до рассвета. Выйду на крыльцо. Вдохну свежего воздуха, умоюсь росной травой — и как молодая опять. Взгляну на небо. А оно, необъятное, раскинулось над головой, смотрит на меня россыпью звезд. И весь мир хочется мне тогда обнять, и понимаю я, что никакие богатства не променяла бы я на возможность вот так стоять наедине с собой, чувство-

вать необъятность нашей земли. А вот возьми Пузаниху. Нет для нее счастья большего, чем сладко до обеда поспать, да вкусно поесть, да в сарафане нарядном по деревне пройтись. И ейна ведь правда тоже. Вот ты и поди разберись, в чем счастье, — сказала Акулина, внимательно посмотрев на Ивана.

Несмотря на то что была она уже глубокой старухой, глаза ее нисколько не выцвели, а были пронзительно-голубыми. И когда она так смотрела, так сейчас что-то замирало внутри у него. Он и сам не знал отчего.

Посидев еще немного возле озера, они побрели дальше и домой вернулись с полными корзинами целебных трав.

11. Чародейственный цветок

Вечером постучали в окно Витька с Егоркой.

— Айда в лапту играть, — позвали они Ивана.

Но тот отмахнулся от них:

— Пойдемте лучше сегодня ночью чародейственный цветок папоротника искать, — предложил он. — Акулина сказывала, что в двенадцать часов ночи распускается на нем золотой цвет. Если сорвать успеешь, то все клады в округе твои будут. С ним мы живо найдем сокровища старого атамана.

Ребята оживленно загалдели.

— Но папоротник в это время охраняет нечистая сила. Она всячески мешает поискам: хохочет, вопит, ужас наводит. И может в болото завести, — добавил зловеще Иван.

— Не пойду-у! — заныл Егорка. — И так в прошлый раз страху натерпелся. А тут еще ночью по лесу шастать.

— Чего развылся? — отвесил ему оплеуху Витька. — Сапоги новые хочешь?

— Хочу! — размазывая слезы по щекам, промямлил Егорка.

— Ну так и не реви! — строго поправил его брат.

— Я еще пряник медовый хочу! — всхлипывая, пробормотал тот.

— Будет тебе и пряник, и сапоги новые, — уверил его мальчишка. — Ты только смотри отцу не проболтайся.

Вдруг неожиданно из-за угла дома выскочил Расстегай.

— Ага! Попались! — закричал он. — Опять собрались куда-то? И опять без меня! — надул он губы и сощурил и без того узкие глазки.

— Мы, Петенька, и тебя с собой возьмем, если керосинку у папеньки своего одолжишь, — сказал Иван, поглядев на друзей.

— Да, да, — закивали те головами.

— Это для какой же надобности? — важно спросил мальчишка, приосанившись и сделав грудь колесом.

— Сокровища старого атамана пойдем добывать, — шепнул ему Витька.

— Опять? — испуганно перекрестился мальчишка.

— Теперь уж наверняка получится, — уверил его Иван. — Впрочем, уговаривать не будем. Нам больше достанется, — сделал он равнодушное лицо.

— Ладно, ладно. С вами пойду! — торопливо согласился Петя. — Только, чур, сокровища делим поровну.

Ближе к ночи, когда в избе все уже крепко спали, Иван перелез через Акулину и выскочил во двор. Мальчишки его уже ждали за плетнем.

Лугом они дошли до леса, вымокнув по пояс в росе. Теплая июньская ночь была наполнена треском кузнечиков и различными шорохами. Петя зажег керосинку, и тусклый огонек осветил бледные лица друзей. Они в нерешительности стояли перед темной стеной деревьев.

— Боязно как-то, — переступая с ноги на ногу, пробормотал Витька, но все же, пересилив страх, ребята вошли в лес.

Сучковатые ветки цеплялись за полы одежды, а ноги то и дело путались в корнях деревьев. В лесу темнота казалась еще непроглядней, а тусклый свет лампы превращал привычные глазу переплетенные ветки в оборотней и лешаков.

Ребята не раз уже пожалели об этом их сомнительном приключении. А когда завязли в болоте, так и вовсе у них настроение испортилось.

— Да ну тебя с твоим кладом, — ворчал Витька, размазывая по лицу зеленую тину. — Жил без него спокойно и еще сто лет проживу.

— А как же сапоги новые? А пряник медовый? — скуксился Егорка.

— Я тебе покажу пряник! — пригрозил ему брат. — Ты вот мамке завтра объясни, где рубаху порвал да лапти потерял.

Из-за тучи выглянула луна, осветив чумазых ребятишек, стоявших возле зарослей папоротника. Изящные листья его были покрыты серебряными капельками росы, в которых отражался голубоватый лунный свет. Обрадованные ребята бросились к нему, забыв о недавно пережитых несчастьях.

— Тсссс, — вдруг приложил Иван палец к губам. — Слышите?

Ребята прислушались. Из-за деревьев, с треском ломая сучья, кто-то пробирался в их сторону. Не сговариваясь, мальчишки бросились прочь от проклятого места, спотыкаясь о коренья и цепляясь за ветки деревьев. Когда сил уже совсем не было, оставились перевести дух. Прислушались. Тихо вокруг. Вдруг керосинка затрещала, быстро моргнула несколько раз и погасла. Ребята оказались в кромешной тьме. Вдалеке несколько раз глухо ухнул филин.

А Витька вдруг как подпрыгнет да как заорет не своим голосом.

Мальчишки бросились бежать.

— Да ну его, твой цветок, — сплюнул он, когда они, исцарапанные, грязные, с всклокоченными волосами выбежали к озеру. — Страху столько натерпелся — на всю жизнь хватит. Нечисть лесная меня прям за сердце схватила, аж вспомнить страшно.

— И керосинку потеряли, — уныло добавил Петя.

Ребята залезли в теплую реку, смыли всю грязь и поплелись домой злые, уставшие и голодные.

Дома Иван тут же провалился в сон, а с утра разбудил его голос Васьки Хромого, их соседа, любопытного старика, везде совавшего свой нос. Он махал большими руками и оживленно что-то рассказывал отцу. Мальчик прислушался.

— Вчерась, значить, вышел я до ветру. Ночь уж на дворе стояла глубокая. Темна-а-а-я. Гляжу, среди ветвей огонечек мелькает. Я перекрестился три раза, а он все мелькает, как бабочка порхает меж деревьями. Вспомнил тут я, что сегодня день Ивана Купалы. И тут мне шальная мысль в голову взбрела, что это сам огненный цветок. Надел я шапку, перекрестился и в лес пошел. Чем, думаю, черт не шутит.

А Ивашка, как про огненный цветок услышал, чуть с печи не свалился. Подался вперед и слушает затаив дыхание. Неужель Ваське Хромому посчастливилось отыскать его?

— Пробираюсь я, значить, меж кустов, — продолжает старик. — Огонечек этот пляшущий все ближе. Смотрю — замер он и поскакал от меня. Я за ним. Чем быстрее бегу, тем быстрее он скачет. Я остановился. Гляжу — и он остановился. Ну, думаю, тут хитрость какая нужна. Ваську Хромого еще никто не провел. Решил стороной его обойти. Пошел тихонешко так в обход. Огонек на месте стоит. Ну, думаю, хитрость моя сработала. Подхожу ближе, а огонек не шелохнется, а потом раз — и погас. Здесь страх меня одолел, иду и крест на себя накладываю ежеминутно. И тут лоб в лоб столкнулся с чертями.

Ивашку от этих слова аж в пот бросило. Неужто и он чертей видал? Выходит, не соврал Витька, — по спине мальчика пробежали мурашки, и он глубже зарылся в лежащий на печи тулуп.

— Да тебе привиделось все! — махнул рукой отец Ивана.

Васька Хромой аж взвился от такой несправедливости.

— Ей-богу, все так и было. Вот те крест! — стукнул он кулаком по столу.

— Штуки три было, если не больше. А ростом все ну что твой Ивашка будет. Чу-мазые, всклокоченные, лохмотья на них болтаются, и запах болотной тины на версту. Черти эти что есть мочи заорали. У меня сердце в пятки так и ухнуло! До дому бежал без остановки. Еле отдышался потом. Да ну его, этот папоротник. Видать, человеку от него проку нет. Одна морока, — вздохнул он.

— Ты бы, Василий, лучше женке помог, — покачала головой Акулина. — Она вон с утра спину ломает. А ты все языком чешешь.

Старик вскочил со скамьи.

— Ну, знаете ли, — оправил он сермяжку. — Я к вам по-человечески, а вы... — потряс он кулаком и, хлопнув дверью, выскочил вон.

Иван свесил ноги с печи.

— Тятка, а может, он и вправду тех чертей видал? — спросил он отца.

— Каких чертей? — усмехнулся отец. — Не тех ли, которые домой за полночь возвращаются, — подмигнул он ему.

Тут дверь со стуком отворилась, и в проеме показалась лохматая голова Васьки:

— Так эти черти еще и в озере потом купались. Давно я говорил: поганое это озеро! — сплюнул он и исчез так же быстро, как и появился.

Иван прыснул со смеху. Так вот, оказывается, какую нечисть лесную они вчера в лесу видели!

12. Сенокос

Еще в начале весны отец договорился с Афанасием Коробовым и Михаилом Копейкиным взять в аренду для покоса барский луг. В этом году сена скотине еле-еле до весны хватило.

— Мужики луг-то, поди, скосили уже, — торопила мать Ивана и складывала в корзину нехитрый обед.

— Ну, с богом! — перекрестила их Акулина. — Глядишь, до дождя управитесь, — тихо сказала она, глядя на безоблачный горизонт.

Они вышли из деревни и зашагали по тропинке, змейкой убегавшей в поля, заросшие ромашкой, клевером и душицей. Капельки росы висели на травинках, словно бусы. Прохладная земля, не согретая еще солнцем, приятно холодила босые пятки. Легкий ветерок трепал волосы, развевал полы одежды. А в оврагах, зацепившись за низкие кустарники, еще стоял туман. Пройдя лесной тропинкой, они наконец вышли на займище.

Мужики стояли по пояс в высокой траве, косы их дружно взлетали в воздух с едва слышным свистом.

Мать с Иваном, не мешкая, тут же принялись за дело. Вместе с другими бабами и детьми они ловко переворачивали недавно скошенную траву.

Белые домотканые одежды женщин трепал ветер, обнажая крепкие икры. Работа спорилась.

— Ветер нынче в помощь будет, — сказала мать Ивана и затянула веселую песню, ее подхватила круглолицая Авдотья. Так, одна за другой, запели все крестьянки. Пока-

тилась звонкая песня по лугам да по полям. А с песней время незаметно бежит, глядишь — солнце уже высоко, и подошло время обеда.

Женщины расстелили белые платки, достали из своих корзинок нехитрую снедь: кашу, пироги, картошку да яйца. Мужики улеглись в тени вековой березы, разговоры про хозяйство ведут да холодный квас попивают. Мальчишки, перекусив, убежали к быстрой речке. А Иван задержался, невольно залюбовавшись дочкой Афанасия Коробова — Маришкой.

Разрумянившаяся от жары, с сухими былинками в волосах, она была чудо как хороша. Делая вид, что доедает пирог с капустой, он нет-нет да поглядывал на нее. Не-высокая, шустрая, с тяжелой русской косой, изредка бросала она на него насмешливый взгляд зеленых глаз.

— Хорошая невеста будет, — улыбнулся отец.

— Обычная девчонка, — буркнул Иван и, вскочив с места, стремглав помчался к ребяткам, которые уже вовсю ловили пескариков и карасей.

Речка была неглубокая, вода в ней прозрачная и холодная, а дно — каменистое. Там, под гладкими гольшами, прятались шустрые рыбешки. Мальчишки галдели, толкались, щипали друг друга украдкой и мочили в студеной воде босые ноги. В другой раз он с удовольствием бы веселился с ними, но сегодня мысли его отчего-то постоянно возвращались к Маришке.

День пролетел незаметно, и к вечеру подсушенную траву начали сгребать в валы, а потом сметывать в большие копны. Завтра, после того, как роса сойдет, вновь копну эту разбросают и будут опять сушить целый день, а к вечеру повезут домой.

Скошенное же вчера сено уже высохло, и его, закинув на телегу, повезли в деревню, чтоб там разделить поровну и положить на сеновал до зимы.

Домой они вернулись уже к концу дня. Отец обеспокоенно посмотрел вдаль.

— Кажись, гроза приближается, — пробормотал он, разглядывая огромную черную тучу, медленно ползущую с востока.

Бабы заохали, мужики, хмурясь, цепляли на вилы большие снопы сена и перекидывали его под навес. Ветер, играючи выдергивал из них сухие травинки и разносил по округе.

— Не надорвались бы, голубчики, — причитала Акулина, подбирая граблями упавшие клочки.

Сейчас самым важным было, чтоб высохшую траву не замочил дождь. Иначе зимой корова будет нехотя ее жевать, а сухую, пахнущую погожими летними деньками будет есть с удовольствием и давать вкусное молоко, так необходимое крестьянину в зимнюю стужу.

Когда отец закинул последнюю копну на сеновал, с неба упала первая капля.

— Успели! — радостно выдохнул он.

Ударил гром, и яркая молния разрежала пополам потемневшее небо. Сначала робко, а потом все сильнее забарабанил дождь по крыше.

Иван выскочил из избы и забрался в сено, посмотреть на грозу. Тут громыхнуло так, что показалось: вот-вот — и небо расколется пополам. Рядом кто-то тихо ойкнул. Оглянувшись, мальчик увидел Маришку. Она тоже решила поглядеть на грозу.

— Не бойся, — выдернул он из травы высохшую землянику и протянул ей.

Девочка робко взяла ягоду, и румянец залил ее щеки.

Гром продолжал греметь, но уже не так сильно. Гроза уходила куда-то на север.

Вдруг на сеновал влетел серый комок. Отряхнувшись, он вытянул длинные уши, и стало понятно, что это заяц. Ребята, боясь его спугнуть, не дышали. А тот, не замечая их, почистил шерстку, понюхал воздух и, как только капли перестали барабанить по крыше, дал стрекоча.

13. Ходики

Всю свою жизнь Акулина узнавала время по природным ориентирам: закричит первый петух в час ночи — охнет она во сне да перевернется на другой бок. В два часа ночи прокричит второй петух, слезет старуха с печи, прошаркает босыми ногами — водицы испить. А с третьими петухами Акулина уж на ногах — печь растапливает да делами хозяйскими занимается. Поэтому-то ходики, которые отец однажды принес в избу, не пришлось ей по душе.

— Не по-божески это, — говорила она и каждый раз крестилась, проходя мимо них.

Всю свою жизнь она жила по одному и тому же установленному порядку: коли солнце высоко над головой, значит, полдень на дворе, покатилося книзу — вечер уж близок, загорелась на небе первая звезда — пора ко сну готовиться. Так и жила. Так и дед ее жил, и прадед. Оттого и чужды были ей часы, заменившие в один миг и солнце, и луну, и петухов.

А ходики эти были не простые — с боем. Каждый час теперь раздавалось в избе звучное: «Бом-м-м-м».

Целую неделю провисели они на стене. Иван все поглядывал на них искоса. Очень уж хотелось ему поглядеть, как они внутри устроены.

В воскресенье, когда отец с матерью уехали на базар, он едва дождался, как за ними захлопнется дверь. Вскочив на лавку, он дотянулся до ходиков, снял их с гвоздя и как можно осторожнее открыл корпус. Завороженно разглядывал он механизм: молоточек, стальную пластину, зубчатые колеса и множество мелких деталей, работающих в едином ритме.

Вдруг внутри что-то затрещало, и большая стрелка, щелкнув, перепрыгнула деление. Молоточек ударил по медной пластине. Протяжный звук разнесся по избе. От неожиданности мальчик вздрогнул, и часы выскользнули из его рук. Ударившись о скамейку, они с противным дребезжаньем рассыпались по полу колесиками, шестеренками и пружинками. Маятник и тяжелые гири с молоточком закатились под лавку и теперь сиротливо выглядывали оттуда.

«Чтоб ходики целыми у меня были. Если что не так будет — высеку!» — вспомнились ему слова тятки.

В избу вошла Акулина с охапкой дров.

— Батюшки мои! — воскликнула она, разглядывая рассыпавшиеся по полу детали часов. — Так и пропади они пропадом эти ходики, ягодка моя, — успокаивала она его чуть позже. — Толку от них никакого. А из-за ерунды стоит ли печалиться?

Иван молчал. Он знал, что отец слово свое сдержит.

Целый день он слонялся по двору, и ничто его не радовало. Прошка тыкался ему мохнатой мордой в ладони, звал поиграть, но Иван отмахивался от него.

— Убегу! — твердо решил он. — Устроюсь в городе подмастерьем, накоплю денег и куплю часы лучше прежних.

А вечером, услышав, как зазвенели колокольчики на сбруе Метелицы, мальчик выскочил за околицу и побежал прочь от неприятного разговора с отцом и неизбежного наказания.

— Ванюша-а-а! Ягодка моя-я-я, — донесся до него крик Акулины, но он бежал, не оглядываясь, и остановился лишь возле реки.

Взгляд его упал на плот, спрятанный в кустах мальчишками из соседней деревни.

Торопясь, как будто боясь передумать, он отвязал его и, лишь когда оказался на середине реки, перевел дух.

Ветра не было, и плот неслышно скользил по течению, оставляя позади берега, заросшие шиповником и дикой малиной. Солнце медленно скатывалось за горизонт,

подкрашивая розовым облака, похожие на перышки. Изредка высывалась из воды щука, гоняя карасей. Шурша прозрачными крыльями, присаживались на бревна любопытные стрекозы. Природа дышала спокойствием и умиротворением.

Иван лежал, закинув руки за голову, и смотрел, как ночь медленно опускается на землю. В высоком темнеющем небе зажигались одна за одной звезды.

Плот покачивался на волнах, и мальчик, убаюканный его плавным ходом, ощутил себя совсем маленьким по сравнению с этим бездонным небом. Беды его показались ему незначительными, и на мгновение ему вдруг почудилось, что время куда-то исчезло, что нет никого времени. Он сам и есть время.

Отчего-то стало радостно и спокойно. Обида, недавно терзавшая его, ушла вместе с остатками дня. Он больше не боялся наказания отца, а, наоборот, хотел ответить за свой проступок. Иван твердо решил вернуться домой, но шест, которым он отталкивался, потерялся по пути, и он, свернувшись калачиком, забылся тревожным сном.

Ему снилась Метелица.

— Все реки, рано или поздно, впадают в море, — говорила она Прощке.

— Море, — шевелил тот губами, — как будто пробуя на вкус новое слово.

Разбудил мальчика громкий гудок. Оказалось, что за ночь его плот вышел в судоходное русло реки, и прямо сейчас на него полным ходом двигалось огромное судно. Когда они почти поравнялись, первая волна сначала подняла плот, а следующая накрыла его с головой. Иван оказался в воде. Кто-то из команды кинул ему спасательный круг, и вскоре он уже сидел в рубке капитана, укрытый пледом, и пил обжигающий горячий чай.

14. Встреча с капитаном

— Как же это тебя угораздило? — спрашивал капитан, ощупывая Ивана.

Лицо его было обветренным и изборождено глубокими морщинами. Аккуратные черные усики придавали ему щеголеватый вид, а из-под капитанской фуражки глядели веселые глаза.

— Убиться же мог! Вот оголтелый, — покачал он головой.

— Шалопай, что с него взять, — махнул рукой его помощник, высокий, как жердь, мужчина с сухим, строгим лицом.

— Вашего брата Аким Трофимович недолюбливает, — усмехнулся капитан. — За свою службу скольких таких мы перевидели.

— Сбежал, поди, от мамки с тяткой? — спросил он, рассматривая в подзорную трубу противоположный берег.

— А почто убежал-то? — не дождавшись ответа, вновь задал он ему вопрос.

— Ходики разбил, с боем, — буркнул мальчик. — Отец бы высек, вот и убег.

— Так за дело бы высек, — заметил капитан.

— За дело, — вздохнул он.

— Говоришь, всю ночь на плоту плыл? — задумчиво потер он подбородок.

— Из Проскудинки, что ли, будешь? — спустя немного времени спросил он.

— Оттуда! — удивился мальчик. — А как вы это определили?

— Это не трудно. Мне достаточно было знать, с какой скоростью двигался твой плот, — улыбнулся капитан. — Ветра нынче не было. Значит, за ночь ты верст пятнадцать прошел. Ученье, братец, свет, а неученье — тьма! — поднял он вверх палец. — Так еще Суворов сто лет назад сказывал. Слышал о таком?

— Нет, — покачал Иван головой.

— А в школу ходишь?

— Хожу.

— Это правильно, — обрадовался вдруг мужчина. — Прогресс ведь не стоит на месте. Научился человек использовать силу пара, и теперь по морям и рекам ходят пароходы. Все подвластно человеческому разуму, уже и небо пытаемся обуздать.

— Аким Трофимович, слышали, что давеча на воздушном шаре поднялся один чу-дак? — обратился капитан к своему помощнику и потряс в воздухе журналом.

— «Воздухоплаватель», — прочитал Иван название.

— Так скоро мы и до звезд долетим! — показал он мальчику разворот, на котором можно было в подробностях рассмотреть этот таинственный шар, гордо именуемый монгольфьер.

Капитан высадил Ивана на ближайшей пристани, в пятнадцати верстах от его деревни.

— Ну, братец, прощай! Будешь в Москве, заходи! Капитана Огорелова все знают! — сказал он и протянул ему журнал. — Изучай! Может, из этого выйдет толк.

Дорога в его деревню проходила мимо села Лещаново, славившегося богатым имением графа Яблоневского. Иван шел, погруженный в свои мысли, и не замечал, что за ним наблюдает сын графа — Константин.

Еще в начале лета мальчик соорудил в ветках старого клена небольшой навес с дощатым полом, откуда были видны все окрестности. Свое укрытие он называл не иначе как командным пунктом и частенько с завистью смотрел оттуда на деревенских ребят, бегущих на речку. Две его гувернантки, приставленные к нему матушкой, запрещали общаться с местными ребятами, а уж о том, чтоб купаться в реке, и речи быть не могло:

— Там пиявки — еще присосутся. Там холодные родники — не дай бог, простудишь-ся, — находили они каждый раз все новые отговорки.

Когда Иван поравнялся с деревом, Костя подвинулся в глубь своего укрытия. Неловким движением он задел книгу, которую до этого увлеченно читал. Та полетела вниз и с громким хлопком ударилась о землю. Иван вздрогнул от неожиданности и, подняв голову, увидел мальчишку, но больше его заинтересовала книга, на развороте которой был нарисован монгольфьер.

— «Пять недель на воздушном шаре», — прочитал он название и ловко перелез через забор.

— Не трожь! — раздался сверху звонкий голос.

— А то что? — вызывающе спросил Иван, разглядывая вытянутое лицо мальчика, усыпанное веснушками.

Костя тем временем слез с дерева и, подбежав к нему, выхватил из рук книгу.

— Испачкаешь еще! — сказал он, глядя на его грязные руки с обкусанными ногтями.

— Пф, — фыркнул Иван. — Больно нужно! Я такой монгольфьер сам построю! — достал он из-за пазухи журнал, подаренный капитаном, и покрутил им перед мальчиком.

— Видал! Тут все подробно описано.

На самом деле он не собирался ничего строить. Ляпнул просто так, чтоб утереть нос этому выскочке.

— Угу! — промычал Костя, пытаясь разглядеть картинку, мелькающую у него перед глазами. — А из чего ты шар будешь шить? Из порток своих? — рассмеялся он.

— Хотя бы и из порток, — нахмурился Иван.

— А я знаю, где столько ткани отыскать! — вдруг серьезно сказал Костя.

— И где же?

— Скажу, если, воздушный шар мы будем вместе строить.

Позабыв о недавней ссоре, они принялись горячо обсуждать дальнейшие действия.

— Костенька, mon cher, идите есть грушу, — прервал их беседу тонкий, надрывный голос.

— Это моя гувернантка, — поморщился мальчик. — Она француженка и вечно появляется не вовремя. Завтра после обеда приходи! — тихо прошептал он.

За всеми этими событиями Иван совсем позабыл о скором объяснении с отцом. Чем ближе он подходил к дому, тем тягостнее становилось у него на душе.

15. Рассказ деда

Когда мальчик вошел в избу, отец чинил сбрую.

— Вернулся? — хмуро посмотрел он на него.

— Вернулся, — ответил Иван, виновато опустив голову.

— Ну, не ругай мальчика, — ласково сказал дед. — Энтю он в меня пошел. В его возрасте я и не такое чудил. С самим Кутузовым однажды повстречался!

— Ты, старый, совсем из ума выжил, — рассмеялась Акулина. — Тебя, поди, и на свете в ту пору еще не было.

— Это твоя, Акулинушка, история тогда еще не писалась, а моя уж давно написана была.

— Сколько ж годков тебе будет? — удивился отец.

— Дак, поди, много. Еще деда царя нашего помню. Это ж сколько тогда?

— Считай, за девяносто перевалило, — прикинул в уме тятка.

Морщинки на его суровом лице разгладились. Взгляд посветлел.

— Батюшки светы, — ударил старик себя по коленям. — Энтю я зажился здесь! Зажился. По такому поводу, так и быть, расскажу вам эту историю! Но только после щей! — строго сказал он, усаживаясь под образами.

Акулина вздохнула и тихонько перекрестилась, довольная тем, что отцовская буря миновала внука.

Иван подошел к отцу.

— Ты, тятка, прости меня! Не со зла я — по глупости убег, — повинился он.

— Знамо, что по глупости, — вздохнул отец.

Мать загромыхала заслоном печи, доставая ароматные щи. Поставила кринку свежего молока, достала пышный каравай, хоть и испеченный утром, но к вечеру не потерявший свежести. И только когда все были сыты, дед важно разгладил усы и неторопливо начал свой рассказ.

— Был я тогда еще мальцом неразумным. Время было беспокойное, французы уж к Москве подбирались. Отец мой в партизаны ушел, а мне наказал за главного в доме быть. По первой я тятку-то послушал, а как слухи поползли, что Наполеон к Москве подошел, тут я не выдержал. Стащил у матери мешок сухарей. В сених взял вилы и с дружкой своим Федькой убег.

Партизанов мы не нашли, зато в лесах заплутали. Питались ягодами, корой, травой да водицей из ручья запивали. А как загромыхали вдалеке глухие раскаты орудийных залпов, пошли на тот звук. Ух, как нам не терпелось французов побить за то, что они на землю родную позарились.

Выбравшись из леса, мы увидели страшную картину. Отовсюду подымались черные клубы дыма, сквозь которые проглядывали языки огня. Стоял оглушительный грохот от пушечных залпов. Повсюду лежали мертвые и раненые. Раздавались их стоны и выкрики. От увиденного у меня задрожали коленки, но поворачивать назад было поздно.

Мы с Федькой, не сговариваясь, вскинули сабли, которые подобрали тут же, у мертвых, и ринулись в бой. Оказавшись в самой гуще рукопашной схватки, потерял я из виду своего дружка и более уж никогда его не видел. Убит ли он был шальной пулей или

конем затоптан, сейчас не разберешь. Все смешалось тогда вокруг. Я бросился бежать, сам не зная куда. Вдруг кто-то схватил меня за воротник и приподнял над землей.

«Ну, все, пропал голубчик!» — пронеслось в голове, и я отчаянно замахал саблей.

— Тише, тише, братец! Развоевался-то! — раздался низкий голос.

Меня, как котенка, держал за шкирку какой-то солдат. Оглядевшись, я увидел, что нахожусь среди наших офицеров. Один из них, невысокого роста, слегка полноватый, подошел ко мне. Сложив руки за спиной, он внимательно посмотрел на меня.

— Рано, братец, тебе еще умирать! Рано! Помереть-то дело нехитрое будет. Это ты всегда успеешь! — сказал он и более на меня внимания не обращал.

Спустя много времени, когда попалась мне на глаза картинка с полководцем Кутузовым, понял я, перед кем тогда стоял.

— Эх, и повезло же тебе! — воскликнул Иван, впечатленный рассказом.

— Как знать! — вздохнул старик. — Война, Ивашка, дело ведь неблагоприятное. Она только забирает и ничего не дает взамен. В ней нет победителей, а есть только проигравшие. Вот и тятка мой сгинул в той войне.

16. Как легко обмануть гувернантку

На следующий день Иван прибежал в Лещаново. Не успел он поздороваться с Костей, как раздался нервный голос его гувернантки:

— Константин! Говорила я матушке, что сидение на этом дереве не доведет до добра, — сказала она, неприязненно разглядывая босого мальчика.

— Ступай отсюда! — махнула она на него рукой и, взяв Константина за плечи, повела к усадьбе. Тот обернулся, скривив лицо, полное муки.

За время отсутствия Кости Иван придумал хитрый план. И когда тот появился через полчаса, бледный, с красными пятнами на лице, он тут же поделился с ним своей идеей.

— Выйдет ли? — неуверенно пробормотал Костя, выслушав его.

— Выйдет! — уверил Иван, и мальчишки принялись за дело.

Сначала они набили соломой его брюки и китель. Из обычного мешка соорудили голову, также ее наполнили соломой, а сверху, для пушей убедительности, надели фуражку.

Костя залез на дерево и разместил чучело так, как будто это он лежит на животе под навесом и, уткнув руки в подбородок, читает книгу.

В густых ветвях оно действительно походило на мальчика. Осталось лишь убедиться, что их план работает.

Вскоре, шурша накрахмаленными юбками, выплыла гувернантка. Прищурившись, она долго смотрела сквозь листву, пока не убедилась, что ее мальчик на месте. Когда она чинно удалилась, ребята, сидящие в кустах, прыснули со смеха.

— Айда на речку, — крикнул Иван.

Они бежали по узкой тропке, пролегающей среди высоких луговых трав. Белые причудливые облака тянулись до горизонта, а воздух благоухал ароматами полевых цветов и звенел от жужжания пчел.

По дороге им повстречались друзья Вани.

— А это что за франт? — удивился Витя.

— Это Костя, сын графа Яблоневского.

— Ну, ничего себе! — присвистнул мальчик. — Сам граф к нам пожаловал! — съязвил он и сделал неловкий реверанс.

— Да ладно, — махнул Иван рукой. — Я его от гувернантки спас. «Костенька, мон шер, идите есть грушу», — передразнил он учительницу.

— Хороша жисть, ничего не скажешь — завистливо протянул Егорка. — А меня отец только так зовет: «Гришка, поди сюда, сейчас тебе оплеуху дам».

Ребята загоготали.

— А хотите, я вас грушами угощу? — вдруг предложил Костя.

— Вот это другой разговор! — обрадовался Витька и что есть сил засвистел в дырку меж зубов.

Егорка от избытка чувств сделал колесо и прошелся на руках.

Наперегонки ребята побежали к реке, обрывистые берега которой заросли кустами красной и черной смородины. Мальчишки с удовольствием срывали сочные гроздья ягод и с наслаждением засовывали в рот, набивая на зубах оскомину. А потом с разбега ныряли в быструю речку, которая извивалась широкой голубой лентой, блестела на солнце и призывно манила к себе.

Первым, с громким воплем, прыгнул в воду Витька, взметнув вокруг себя сноп голубых брызг. Следом за ним, как горох из стручка, посыпались остальные. Они без устали прыгали в воду — и с разбега, и с поворотом и перекувыркнувшись. Поднимали со дна зеленые комки тины и огромные коряги. Плавали на спине, насакивали друг на друга и веселились, как могли. А после валялись на берегу, засовывая руки и ноги в горячий песок, слушали, как теплый ветер шелестит в склонившихся от жары ивах, смотрели, как проплывают кудрявые облака в синеве неба.

— Это был лучший день в моей жизни! — сказал Костя своим новым друзьям, когда они уже подошли к его усадьбе. — Ждите здесь! — крикнул он и перелез через забор. Спустя некоторое время он вернулся с полными карманами спелых, ароматных груш.

Ребята еле успели разобрать их, как появилась гувернантка.

— Где это, Константин, ты так загорел? — удивилась она.

17. Воздушный шар

Строить монгольфьер Костя с Иваном уговорились в лесочке неподалеку от усадьбы. Там, в окружении густых елей, стояла ветхая избушка. Кто в ней раньше жил, они не знали. Изредка останавливались в ней пастухи, пережидая непогоду.

— А из чего мы будем шар шить? — спросил Иван, вновь повстречавшись с Костей.

Тот хитро посмотрел на него и кивнул в сторону избушки.

Заглянув туда, Ваня увидел сложенные аккуратными стопками рулоны льняной ткани.

— Откуда? — изумился он.

— Так батюшка мой ткацкой мануфактурой владеет, — пояснил мальчик. — С давних пор ткань эта хранилась в чулане. А что ей без дела лежать, пусть лучше нам службу добрую сослужит, подумал я.

— Ну ты и прохвост, — восхитился Иван. — Вот матушка тебя выдерет, когда узнает, что ты все ее запасы пустил на ветер.

— Зато теперь у нас есть все для того, чтоб смастерить настоящий монгольфьер, — махнул рукой Костя. — А у папеньки в кабинете имеются старые бланки, ими мы обклеим шар изнутри, — добавил он. Ему не терпелось скорее взяться за дело.

— Всего-то, вырезать лепестки одинакового размера и сшить их вместе, — пренебрежительно сказал он. — Мы легко с этим справимся!

Но, раскрыв журнал, подаренный капитаном Огореловым, ребята поняли, что перед ними стоит непростая задача.

Сначала по специальной формуле они высчитали количество лепестков, которое им понадобится для постройки шара. Оказалось, что их должно быть ровно шест-

надцать и каждый из них должен быть длиной чуть больше семи сажень, а шириной в одну сажень.

— Справимся ли? — присвистнул Костя, прикидывая в уме, что один лепесток должен получиться аккурат с поляну. Его пыль заметно поубавился.

— Не попробовав, не узнаем, — ответил Иван.

На их счастье, один рулон подходил размерами как раз для одного лепестка.

— Значит, необходимо вырезать их шестнадцать штук, — черкал Костя на листке. — У нас имеется двадцать. Должно хватить, — обрадовался он.

Они разматывали ткань на всю поляну и дружно взялись за ножницы. Один вырезал с одного края, другой — с другого. Закончив, мальчишки придиричиво осмотрели работу друг друга

— Ты криво вырезал! — закричал Костя.

— И ничего не криво! — ответил Иван, разглаживая полотно руками. — Смотри, как ровненько. — А вот у тебя край словно корова пожевала, — осмотрел он его сторону.

— Врешь ты все! — разозлился Костя и толкнул друга

Если бы не пошел дождь, они наверняка бы подрались. А так, спрятавшись в ветхую избушку, они признались, что никто из них не умеет ни шить, ни кроить, и сошлись на том, что надо звать того, кто сможет сделать это лучше них. Выбор пал на Маришку, девчонку из деревни Ивана.

— Неужто полетит? — удивилась она, разглядывая картинку воздушного шара в журнале.

— Еще как полетит, — уверили ее мальчишки. — Только сначала эту гору ткани надо превратить в шар.

Они растянули на земле второй рулон, и Маришка, взяв уголек, расчертила на полотне тонкие линии.

— По ним и будем резать, — сказала она и выкроила первый лепесток.

— Ловко у тебя выходит, — похвалили ее мальчишки.

— Из каких только кусочков у меня матушка рубахи не шила! А тут что угодно можно сшить.

К вечеру у них было вырезано пять лепестков. А через два дня все шестнадцать, и они принялись их сшивать вместе. Тяжелая ткань то и дело норовила выскользнуть из рук, съехать с колен, но ребята не сдавались, шили, искалывая острыми иглами неловкие пальцы.

Вскоре они приловчились к этому занятию и к концу третьей недели сшили все лепестки вместе и даже обклеили их изнутри старыми бланками.

Вечерами Иван мастерил корзину из ивовых прутьев.

— Для чего тебе такая громадина? — удивлялась Акулина.

— Пригодится, — только и отвечал ей мальчик.

18. Монгольфьер подымается в небо

День, на который ребята запланировали полет, с самого утра был солнечный. Мальчишки выкопали большую яму, сложили в нее старые доски, солому, сухие ветки, залили все дегтем и подожгли.

Когда повалил густой черный дым, они решили подтащить шар ближе, но не смогли даже сдвинуть его с места. Ребята немного приуныли.

— Чего это вы пригорюнились? — вдруг раздался насмешливый голос, и из-за деревьев выглянул высокий, худощавый мужчина.

— Отец? — воскликнул Костя. — Как ты догадался?

— Ты этим своим чучелом только подслеповатую гувернантку и смог обмануть, — расхохотался он. — Но об этом поговорим позже. А сейчас давайте закончим то, ради чего вы здесь собрались. Ведь начатое дело всегда надо доводить до конца, — подмигнул он Маришке с Иваном.

— Михайло! Гришка! — позвал он работников. — Сами-то мы, пожалуй, и не справимся, — поддел он ногой лежащую на земле тяжелую грудку ткани.

Крепкие мужики в два счета расправили отверстие шара над ямой, и он начал наполняться горячим воздухом.

— Смотрите не сожгите! — покрикивал на них отец Кости, пока сам вместе с мальчишками привязывал его с двух сторон к стволам, чтоб тот не улетел раньше времени.

Вскоре монгольфьер, сшитый из разноцветных полос, округлился и горделиво покачивался среди верхушек деревьев.

— Удивительно, что вы сумели справиться с этой задачей, — воскликнул граф, разглядывая шар. — Я до последнего думал, что у вас ничего не выйдет.

— Получается, ты давно обо всем знал? — спросил Костя.

— С самого начала! Но я решил не вмешиваться, так как мне стало любопытно, чем все закончится, — ответил отец, затягивая отверстие так, чтобы из него не выходил воздух.

Когда мужики привязали корзину к шару, граф первый запрыгнул в нее.

— Залезайте, братцы, если не передумали.

Лишь Маришка отказалась.

— Боязно мне, — попятилась она.

Мужики обрезали веревки, удерживающие монгольфьер, и тот медленно поднялся над землей. Его пассажиры с восторгом смотрели вниз. Перед ними расстился знакомый луг, а чуть дальше лес до горизонта, за которым виднелись крыши домов соседней деревни. Изумленные крестьяне что-то кричали им и махали руками. Слов было не разобрать, но лица у многих были испуганные. Некоторые из них с вилами наперевес пустились вдогонку за шаром.

— Вот темнота, — хохотал граф.

Вскоре воздух в шаре стал остывать, и они начали плавно снижаться.

Маришка бежала за ними следом и махала ребятам.

— Это что за пузырь, деточка? — остановила ее беззубая старуха.

— Монгольфьер, бабуля! — радостно прокричала девочка.

— Чего удумали-то! — перекрестилась она и заспешила прочь.

Вслед за Маришкой бежали гувернантка Кости и его матушка.

— Костенька, вернись! — кричала гувернантка, заламывая руки. Ее чепчик с розовыми рюшками дрожал на ветру.

— У нас все хорошо! — кричал им мальчик.

— Спускайся скорей! — умоляла его матушка, хватаясь за сердце.

Вскоре шар опустился на лугу.

— Как ты мог! — всхлипывала графиня, ощупывая сына. — А ты? Как допустил это? — рассерженно смотрела она на мужа.

— Все же хорошо, — успокаивал он ее, слегка обнимая за плечи.

— И хорошо, что хорошо! А если нехорошо вышло бы?

— Что уж теперь об этом говорить, — вытер он ей слезы и приказал убрать воздушный шар подальше, чтоб больше он не тревожил неокрепшие умы ребят.

— Иди попрощайся. Завтра в Москву едешь, — подтолкнул он сына к друзьям. — Воздухоплаватели! — сказал он, подняв вверх палец, и деликатно отвел любопытствующих дам в сторонку.

Когда их бричка скрылась из виду, Иван с Маришкой побрели домой.

— Как там, наверху? — поинтересовалась девочка у него.

— Красиво. Все как на ладони видать: и соседние деревни, и речку, и поля, и луга. Жаль, что не повторить, — вздохнул он.

Родители Ивана вернулись к вечеру. Целый день они были на дальних покосах, но и до них долетел слух о том, что опять учудил их сын.

— А кабы убился? — причитали мать с Акулиной

— И как такое в голову взбрело, — устало качал головой отец.

19. Встреча с царем

— Ивашка, пойди лошадь запряги, — сказал как-то отец в конце лета. — Поедем в Москву, лен продавать.

Мальчишка вскочил с печи. Ему страсть как Москву хотелось посмотреть.

Город встретил их морсящим дождем, густым утренним туманом и прелым запахом яблок. Опавшие листья кружили по мостовой, выложенной брусчаткой.

— Вот бы так у нас в деревне улицы выложить, — вздохнул мальчик, вспоминая непролазную осеннюю грязь в деревне.

Отец улыбнулся:

— Говорят, раньше каждый приезжий должен был по три камня с собой привезти. И размером чтоб не меньше гусяного яйца. Так и вымостили, да и то не все. Москва ведь большая. Камней не напастись.

Действительно, Москва удивляла размерами. Во все стороны расходились улицы и улочки, некоторые из них выходили на широкие площади, а другие оканчивались грязными задворками. По ним спешил разный люд. Сидя на облучках, пролетали бородатые извозчики, шли в лавки булочники и мясники. Подводы везли на рынки товар. Тут же сновали шустрые разносчики:

— Сайки, ситные пироги, моченый горох, — выкрикивали они.

— Тятка, а давай опосля на чугунку съездим, — предложил Иван.

— Эка невидаль, чугунка! — заворчал тот. — Вот лен продадим, а там посмотрим.

Но мальчик знал, что, продав товар, отец сразу отправится домой.

— Я тогда хоть окрест поброжу, — уныло сказал он, пиная пыльную мостовую.

Разглядывая витрины, мальчишка не заметил, как вышел к большому зданию, увенчанному часовой башней.

«А вокзал-то с башенкой, и экипажи каждый момент останавливаются, только успевай поворачиваться, чтоб не задели», — вспомнил он слова Витьки.

И действительно, площадь была запружена колясками. Из них выходили дамы в шуршащих платьях и изящных шляпках, мужчины в строгих сюртуках и цилиндрах. К ним подсакивали услужливые носильщики.

Послышался надрывный гудок, и мальчишка сообразил, что это как раз и есть тот самый паровоз. А значит, и он теперь может хоть одним глазком глянуть на него.

Протиснувшись сквозь толпу, он вошел в здание. Оттуда пробрался на перрон с высоким сводчатым навесом и с восторгом огляделся.

Ему нравилось здесь все: и острый запах паровозной гари, и нарядные пассажиры, степенно прогуливающиеся вдоль перрона, и кондуктор в фуражке с кожаной сумкой через плечо. Но более всего его занимала сама машина, стоявшая перед ним на расстоянии вытянутой руки.

— Вот чего удумали, — пробормотала стоявшая рядом с ним старуха. — Бесовскую силу в котел посадили, и толкает она энтот самовар, старается, и выходу ей нет, — откусила она пирог с капустой.

— Так это, бабуся, пар машину толкает, — возразил Иван.

— Так разве разберешь, как этих чертей звать. Ты хоть как его назови, мне все равно, — махнула она рукой.

Тут раздался звонок, и пассажиры ринулись в вагоны. Старушка ловко подхватила свой узел и устремилась за всеми.

Когда кондуктор хотел было уже свистнуть в медный свисток, висевший у него на груди, на опустевший перрон выскочил мужчина с густыми черными усами, топорщившимися в разные стороны. Широкие штаны, заправленные в высокие, начищенные до блеска сапоги, белая холщовая рубаха с вышитым узором по вороту и лихо заломленная фуражка с красным околышем выдавали в нем помещика. Следом за ним семенила супруга, которая была под стать ему: дородная, в длинном платье, с цветастой шалью, накинутой на пышные плечи. За ней гуськом тянулась вереница детей. Последним, погромыхая тележкой, неся взмыленный носильщик. С трудом толкал он нагруженную тачку, на которой высилась гора чемоданов, мешков и коробок.

Пока глава семейства укладывал чемоданы в багажный вагон, кондуктор помогал его большому семейству рассаживаться.

— Поторапливайтесь! — подгонял он неторопливых пассажиров.

Иван стоял рядышком и с завистью поглядывал на них.

«Вот бы разок прокатиться», — думал он, пытаясь заглянуть внутрь вагона.

Но самый дешевый билет стоил аж целых три рубля. Таких денег у него отродясь не бывало.

— А ты чего мух считаешь? — сердито глянул на него кондуктор и, подхватив под мышки, подтолкнул в вагон.

Мальчик попытался вывернуться из его цепких рук, но в ответ получил легкую затрещину.

— Не балуй! — погрозил ему он.

А дородная помещица, пересчитывающая своих детей, потеснила его еще дальше в глубь вагона.

К выходу он смог пробраться, когда паровоз уже набрал ход.

— Куда? — закричал кондуктор, схватив его за воротник. — А ну кажи билет!

Мальчишка вжал голову в плечи. Но, на его счастье, тот не стал сдавать его солдатам, а просто высадил на следующей станции.

— Только попадись еще! — крикнул он ему напоследок.

Иван, вздохнув, побрел назад. Сколько ему еще идти? Ох, и выпорот его тятка за это! — невесело размышлял он, бредя по железнодорожным путям.

— Эй! — вдруг раздался тонкий мальчишеский голосок.

Обернувшись, Иван увидел чумазого пацаненка, сидевшего на насыпи.

— Вот чудак, — хохотал тот, услышав его историю. — Что в этих паровозах интересного? Кажинный день ходят туда-сюда. Мой тятка обходчиком работает. Я этих машин вот так посмотрелся. Меня Яков зовут.

— А я Ивашка, — представился он новому знакомому.

— Я думал, ты на царя захотел поглядеть, — сказал Яков, таинственно понизив голос.

— Какого царя?

— Знамо какого! Нашего. Тятка сказывал, ныне он здесь проезжать будет.

— Врешь! — не поверил Иван

— Ей-богу! — перекрестился Яков. — Поговаривают, у него целый поезд в распоряжении имеется. А там, говорят, все стены бархатом обиты, а стулья каждый из золота.

— Стулья, говоришь, из золота? — прервал их беседу высокий дядька с окладистой бородой.

Мальчишки, увлеченные разговором, не заметили, как он подошел к ним.

Не заметили они и того, что невдалеке от них из-за неисправности остановился поезд. А уж о том, что это и есть тот самый царский поезд, они и подумать не могли.

— Так сказывают! — заикаясь, пробормотал Яков, сползая вниз по насыпи. — Я сам не видел. Так сказывают, — кричал он, убегая.

Иван растерянно смотрел на его удаляющуюся фигуру. Что делать? Тоже бежать? — пронеслись у него в голове мысли. А куда?

— Чего здесь сидели-то? — спросил дядька.

— На царя хотели поглядеть.

— Ну, гляди — коли не шутишь!

Мальчик недоверчиво поднял глаза вверх. Раньше ему доводилось видеть царя лишь на лубочной картинке, которую Акулина прикупила по случаю у коробейника.

Изображение его висело в красном углу, наравне с иконами.

— Царь ведь после Бога первым будет. Кто ж за него помолится, как не простой крестьянин, — говорила она и творила молитву — сперва Богу, а потом царю.

Мужчина же, который стоял напротив, совсем не походил на царя.

Не было ни короны, ни прочих царских признаков. Да и одет он был слишком просто: штаны, заправленные в солдатские сапоги, простая рубаха и сверху накинутая поддевка.

— Откуда ты, мальчик, будешь? — нарушил царь тишину.

— Из Проскудинки. Восемьдесят верст отсюда, — ответил Иван.

— Ты что ж это, специально издалека приехал, чтоб на царя посмотреть? — удивился тот.

— Нет, — мотнул головой он и поведал о своих злоключениях.

— Вот чудак! — рассмеялся дядька и посмотрел в сторону, откуда, в клубах сизого дыма, двигался, блестя железными боками, поезд.

Когда состав поравнялся с ними, царь заскочил в вагон и помахал мальчику.

— Ну, прощай, братец! — крикнул он.

Иван долго еще смотрел вслед, не веря в происходящее.

До вокзала он дошел за два часа. Отец был уже там.

— Где тебя, сорванца, еще искать было? Сказал же, не поедем на чугунку. Нет, он сам улег. Вот я тебя за уши дома оттаскаю.

— Тятка, а я царя видал.

— Какого еще царя?

— Знамо какого. Нашего. Другого у нас нет, — протянул он ему новенький серебряный рубль, который ему подарил сам император Александр Третий.

— Прямо самого царя? — взял монету отец. — И каков он будет?

— Большой, как шкаф. Ручища как молоты в кузнице. А глаза добрые.

Разговоров об этом происшествии хватило им на всю дорогу.

Уже подъезжая к дому, Иван спросил отца:

— Вот Акулина сказывала, что царь первый после Бога будет. А он ведь мне совсем другое молвил: «Россия — это прежде всего ее народ, и народ этот — самая главная опора царя». Так кто же прав?

— Так правильно. Коли не было бы нас, кем тогда бы царь правил? Вот и получается, что служит он нам и перед Богом за нас отвечает.

20. Последний подарок Акулины

Осень пришла на землю тихим шорохом сухой листвы, первыми звонкими заморозками и тонкими, невесомыми паутинками, разлетающимися по лугам.

Убранные поля стояли черными, мокнущими под холодными осенними дождями. А полные закрома доверху были набиты золотистым зерном.

— Подойди ко мне, ягодка моя, — подозвала Акулина Ивана в один ненастный вечер.

— Держи, — протянула она ему ключ от своего большого кованого сундука, стоявшего в углу.

— Зачем это? — удивился мальчик.

Ведь никому раньше она не разрешала даже заглядывать туда и ключ от него всегда носила с собой.

— Подарок там для тебя. Хотела сама отдать, да, видно, уж не придется. Часики-то тикают, — кивнула она в сторону ходиков, — да только ничего они не знают. Время-то оно здесь, — прижала старуха ладонь к своей груди. — Чувствую я, Ванюша, немного мне осталось.

Ушла Акулина тихо — во сне, никому не причинив неудобств, как и всегда жила.

Иван не сразу решился открыть ее сундук. Все казалось ему, что уйдет тогда что-то безвозвратно. А когда открыл — пахнуло на него жаркими летними днями. Долго перебирал он в руках мешочки с травами, которые собирал с Акулиной летом.

«Это сныть — для батюшки твоего от ревматизма. А это душица — ею буду тебя зимой поить», — зазвучали в его голове слова бабушки.

Вздыхнув, он достал лежащий в самом углу тугой сверток. Развернув его, понял, что это одеяло, собранное из множества узорчатых лоскутов. Любуясь им, мальчик заметил зеленый лоскуток, который в паре с желтым квадратом и тонким голубым отрезом образовывали занятный узор. И что-то знакомое ему в этом почудилось. Силится он вспомнить, где видел его, и никак не может. Уж и все дела в доме переделал, а узор из головы не выходит. Вышел из избы, уселся рядом с дедом на крыльцо. Долго смотрел, как медленно уходит день, превращая голубое небо сначала в фиолетовое, потом в темно-синее, и, заалев яркой полосой у горизонта, исчезает до завтра.

Вдруг в вышине послышался печальный крик гусей. Дед поднял голову. В гаснущем небе четко выделялись силуэты птичьей стаи, летящей ровным клином.

— Гуси летят. На хвосте зимушку тащат, — промолвил он, провожая их взглядом.

Иван смотрел на удаляющийся белесый косяк.

— А ведь и на одеяле есть такой же маленький светлый треугольничек, — мелькнула у него мысль. — Вот оно что! — закричал он, обрадованный своей догадкой, и, вскочив с крыльца, бросился в избу.

Развернув одеяло, он внимательно посмотрел на узоры. Зеленые лоскутки — словно островки леса, среди которых виднеются синие пятна озер. А темные лоскуты — как бочажки с застывшей водой, те самые, которые Иван так отчетливо видел во сне. За ними идут желтые и красные полосы — будто отрезки полей, засеянные рожью и гречихой, а по краям голубой лентой стелется полоска созревшего льна. А вот и белый треугольник, клином врезался в ткань — будто косяк гусей летит.

— Это же то самое узорчатое полотно из моего сна, которое так хотелось мне тогда рассмотреть, но не удалось! — воскликнул мальчик. — И как Акулина так сумела?

Забарабанили по окну тяжелые капли осеннего дождя. Забрался Иван на теплую печку, укутался с головой в бабушкино одеяло. И повеяло вдруг медовыми травами, словно сама Акулина укрыла его.